

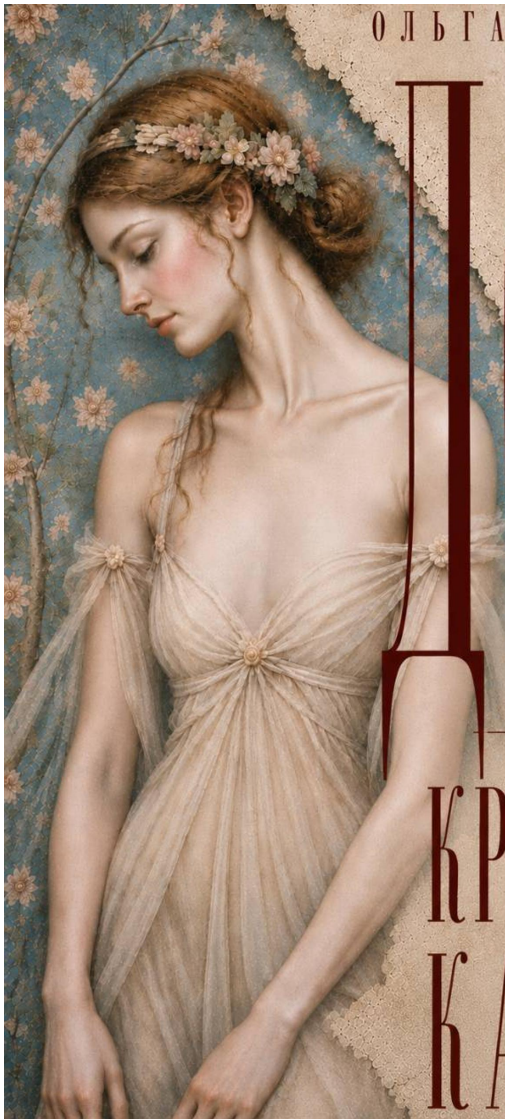
О Л Ъ Г А Л И Н Д Е Н

Д О М

у

К Р Ю К О В А

К А Н А Л А

Ольга Линден

Дом у Крюкова канала

<https://litres.ru/74369269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Валерия приезжает в Петербург, чтобы отреставрировать старинную фреску в доме у Крюкова канала — и заодно взять паузу, чтобы понять, что делать дальше, когда привычная жизнь рушится на глазах.

Под слоями штукатурки постепенно появляется лицо молодой женщины. Оно слишком похоже на знаменитую Белую Нимфу Владимира Лёбо — художника, чья биография давно изучена Лерой вдоль и поперёк.

Но кем была женщина, которую Лёбо изображал снова и снова? Почему о ней не осталось никаких сведений? И что произошло в этом доме сто лет назад, прежде чем художник навсегда покинул Россию?

Единственный человек, готовый говорить о прошлом, — странный жилец, называющий себя потомком прежних хозяев. Он хранит старые фотографии, знает легенды дома и уверен, что прежняя хозяйка до сих пор не покинула свою квартиру.

Лера не верит в призраков.

Но очень скоро дом начинает рассказывать свою историю сам.

Некоторым тайнам приходится ждать сто лет, чтобы быть раскрытыми.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	62
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ольга Линден

Дом у Крюкова канала

Глава 1

— Я так рад, что вы согласились на мое предложение! — Высокий седовласый мужчина галантно подхватил дорожную сумку девушки. Покосившись на чемодан, который таксист как раз вытаскивал из багажника, он махнул мужчине у подъезда. — Павел, голубчик, не считите за тягость помочь барышне с ее чемоданом. Ох, спасибо! Большое спасибо! Итак, — продолжил он, обращаясь к своей гостье, — я знал, что эта работа вас заинтересует, Валерия. Можно я буду называть вас Лерой?

— Да, конечно, Аркадий Львович...

— Ну что вы. Можно просто Аркадий. Хотя, признаться, я уже привык отзываться на свою фамилию. Так что можете называть меня просто Бергер. Прошу вас.

Бергер придержал дверь, пропуская Валерию вперед.

Лера вдруг поняла, что даже не успела рассмотреть фасад дома. Аркадию Львовичу так не терпелось показать ей фронт работы, что он не дал ей ни опомниться, ни толком размять ноги после дороги. Впрочем, и сам Бергер невольно перетягивал на себя внимание.

Идеально подстриженная борода, льняной костюм с укороченными брюками — казалось, малиновые носки должны были разрушить этот тщательно выверенный образ. Но почему-то не разрушали. Большинство мужчин выглядело бы в таком наряде нелепо. Бергер же выглядел совершенно естественно. Венчала образ соломенная шляпа канотье.

За тяжёлой дверью парадной её встретили прохлада и запах старого дома — пыльный, чуть сырой, с примесью дерева и чего-то ещё, давно въевшегося в стены. Теперь к нему примешивались резкие запахи свежей штукатурки, краски и строительной пыли.

Лера остановилась на пороге.

Парадная оказалась светлее, чем она ожидала. Дневной свет входил сразу с нескольких сторон: падал из высоких окон на площадках, пробивался сквозь цветные стёкла двух дверей, расходившихся по обе стороны холла. Над головой едва теплилась старая люстра — её тёплый желтоватый свет почти терялся в дневном.

Посередине начиналась широкая лестница. Она плавно огибала пространство и уходила вверх. Взгляд Леры почти сразу скользнул под первый пролёт — туда, где в полукруглой нише из-под старой штукатурки проступала фреска.

— По вашему лицу вижу, что вы ничуть не разочарованы своим приездом. — Бергер довольно улыбнулся, глядя на Леру, словно мальчишка, показывающий друзьям найденный клад. — Можете подойти поближе. Я вам доверяю как

себе. Это, собственно, и есть ваша работа.

Когда письмо с предложением о работе только пришло, Лера собиралась удалить его, не дочитав до конца. Она терпеть не могла заказчиков, которые говорили загадками. Где описание работ? Где фотографии? Где сроки? Где смета?

Вместо этого Бергер писал лишь одно:

«Вы должны увидеть это своими глазами».

Просьбы выслать фотографию он игнорировал. На возражение, что сначала нужно хотя бы примерно оценить объём и стоимость работы, неизменно отвечал:

«Сколько понадобится, столько и будет. Жилье предоставляю».

Лишь оказавшись в скором поезде Москва — Санкт-Петербург, Лера поймала себя на мысли, что ещё пару недель назад без колебаний отказалась бы от приглашения, больше похожего на ловушку психопата, чем на предложение о работе.

Но теперь на эту авантюру ее подтолкнули две вещи: репутация Бергера, человека с почти легендарным чутьем на редкости, и собственное вдребезги разбитое сердце.

Лера всматривалась в небольшой освобождённый от штукатурки фрагмент росписи, не замечая, как, словно загипнотизированная, подходит всё ближе. То, что она видела, могло оказаться и искусной подделкой, и подражанием. Но что, если...

— Вы правда думаете, что это Лёбо? — Лере пришлось

приложить усилие, чтобы голос не выдал её волнения.

— О, моя дорогая! Вы сейчас ещё больше сделали меня счастливым. Во-первых, потому что ещё раз подтвердили мою догадку, во-вторых, потому что я не зря ни капельки в вас не сомневался. У меня нюх не только на бесценные вещи, но и на бесценных профессионалов. Вот как, к примеру, и наш Павел. Ох да, Павел! Простите, что так задерживаем вас. Прошу, проведите нашу гостью в её квартиру. Простите, что снова вас беспокою, но этот чемодан, боюсь, тут сможете легко поднять только вы.

— Нет-нет, что вы, — Лера схватилась за ручку чемодана, — я сама всё подниму. Не стоит беспокоиться.

— На пятый без лифта? — Павел легко подхватил чемодан и начал подниматься по широкой мраморной лестнице. — Зачем тащить самой, когда я тут?

В руках высокого спортивного мужчины чемодан казался почти невесомым. Лера, привыкшая справляться с такими вещами сама, уже опять хотела возразить, но Бергер тут же перетянул внимание на себя.

— Лерочка, позвольте обсудить с вами за ужином нашу находку. Я пришлю вам адрес по почте, но собственно ресторан тут, за углом. Там луковый суп-манифик! Часа через два, хорошо?

— Да, хорошо, — слегка опешив, произнесла Лера. Ей пришлось пропустить мимо ушей фривольное «Лерочка».

Павел вместе с её чемоданом был уже где-то между вто-

рым и третьим этажом. Лера проводила Бергера взглядом до двери парадной и только теперь поняла, что действительно остаётся здесь.

Она ещё раз взглянула на фреску. Из-под штукатурки проступала лишь часть девичьего лица, но Лера узнавала этот нежный, кроткий образ. Дева опустила свой взгляд, а уголки губ казались в лёгкой улыбке. И именно это показалось Лере непривычным.

Несколько секунд она молча всматривалась в открытый фрагмент.

— Валерия, вы там где?

— Иду!

Лера отступила от стены и поспешила вслед за Павлом, борясь с желанием немедленно приступить к работе.

— Лерочка, вы ещё и пунктуальны! Я всегда считал пунктуальность одной из самых изящных форм уважения, — Бергер поднялся из-за стола, помогая девушке сесть. — Я взял на себя смелость заказать нам вино и еды на свой вкус. Разделите со мной бутылку бургундского Пино Нуар?

Лера одобрительно кивнула.

— Хозяин этого заведения — француз, — продолжил Бергер, разливая вино по бокалам. — Несколько лет назад мне посчастливилось побывать на винодельне его отца, где производят это вино. Вы бы видели, с какой любовью они относятся к своим лозам. Не знаю, совпадение это или нет,

но с тех пор это мое любимое вино.

Бергер поднял бокал.

— Давайте выпьем за него.

— Вино и вправду прекрасно, — Лера сделала небольшой глоток и отставила бокал. — Но я ограничусь одним бокалом. Вообще-то я почти не пью.

Она невольно вспомнила, как всего несколько дней назад проснулась с тяжелой головой и пустыми бутылками вина на кухонном столе. Тогда похмелье оказалось даже милосерднее собственных мыслей.

— Я надеюсь, вы отдохнули с дороги?

— Если честно, то практически нет. Я сразу устроила себе маленькую экскурсию по дому.

— И что скажете о доме? — Бергер явно был рад, что Лера первая перешла к этой теме.

— Невероятный. Дом, безусловно, нуждается в реставрации, но это настоящее сокровище! Такая смесь стилей... Плитка! Метлахская плитка конца девятнадцатого века. И, судя по рисунку, выполненная по индивидуальному заказу. Я не встречала такую в каталогах и не сталкивалась в работе.

Бергер удовлетворённо кивнул.

— Владельцы могли себе это позволить. До революции весь этот доходный дом принадлежал одной семье. На первом этаже располагался магазин. Продавали лучшее, что привозили из Европы: духи, богатые ткани, специи, платья... Словом, всё, что могло заинтересовать самую взыскательную

публику. На втором этаже жила сама семья. Третий и четвертый сдавали жильцам, а под самой крышей, где сейчас поселились вы, находились комнаты прислуги. После полной реконструкции, думаю, поселюсь там. Раньше считалось, что чем ниже этаж, тем престижнее. А мне кажется, трудно поспорить с тем, что квартира под самой крышей — лучшая во всем доме. Оттуда открывается такой вид! Жду не дожусь, когда все будет готово. — А другие этажи? — Четвертый этаж я уже выкупил полностью. Пока он пустует. С третьим тоже удалось договориться — последние жильцы должны съехать к концу лета. Они сейчас на даче.

Бергер сделал глоток вина.

— А вот второй этаж... Второй этаж никак не поддается.

Он заговорщически наклонился к Лере и почти перешел на шепот:

— Представьте, я даже предложил ему маленькую... скажем так, секретную сделку. Купить квартиру в любом районе Петербурга — на его выбор. Да еще и сверху доплатить столько, сколько сочтет справедливым. Хоть наличными, хоть как. Но ни в какую. Соседи его уже с радостью съехали. Я их понимаю. Возможно, рады были наконец-то избавиться от такого соседства.

— Наверное, сложно съехать из такого дома. Конечно, жить в коммуналке тяжело, но, с другой стороны, исторический центр, сам дом просто произведение искусства. Если он здесь вырос, наверное, расстаться с этим местом действи-

тельно непросто, — предположила Лера.

— Он говорит, сперва челядь его семью дома лишила, а теперь буржуй из родового имения выгоняет, — Бергер беспомощно развел руками. — Станный человек... Искренне считает себя хозяином всего дома. Всего дома! Иногда рабочим мешает, но, надо отдать должное, не буянит. И не пакует. Я уж было подумал: может, возраст... Но потом вспомнил, что он мой ровесник и этот вариант пришлось исключить. Мы с ним еще слишком молоды.

Бергер совершенно не молодился. Гордо носил седину, не стеснялся своих старомодных манер. При этом явно не пропускал занятия в спортивном зале и с удивительной легкостью сочетал дорогие классические костюмы с ультрамодными кроссовками. Его движения были легки, в глазах было столько задора и интереса к жизни, что Лера в свои тридцать шесть могла только позавидовать.

— И что же вы скажете о самом главном? — Бергер так давно хотел обсудить с кем-то свою находку, но рабочим она была не особо интересно, а с ценителями, казалось, еще слишком рано.

— Чем больше я всматривалась в её лицо, тем больше мне казалось, что узнаю в ней работу Лёбо. И если это действительно он... то это сенсация всероссийского масштаба. — Лера отпила глоток вина.

— Ну что вы, Лера... — на привычно улыбчивом лице Бергера вдруг отразилась грусть. — Что в России знают о Лё-

бо? Владимир Лебедев уехал отсюда в 1917 году никому не известным восемнадцатилетним художником. Великим Лёбо он стал уже много позже и совсем в другой стране. Для меня это действительно трагедия. Наша страна потеряла талант. Изучают ли его сейчас в школах или институтах? — В университете я рассказываю о нём студентам. Не в рамках обязательной программы, а по своей инициативе.

— Вы молодец, Лерочка. Я благодарен, что вы расширяете горизонты познаний нашей молодёжи, но я так хотел бы, чтобы нашу находку смогли оценить не только ваши студенты. Эта фреска бесценна! И, возможно, это самая первая монументальная живопись Лебедева. Когда я об этом думаю, я весь дрожу от восторга. — Бергер демонстративно поднял ладонь над столом. — Видите?

Лера улыбнулась этому жесту. Бергер все больше казался ей чужаковатым, но определённо в хорошем смысле. Такое трепетное отношения к искусству было ей близко.

Аркадий Львович опустил руку и уже более серьезным тоном продолжил:

— Что ж, в любом случае сперва надо помочь этой деве выбраться из ее штукатурного плена. Очень прошу вас руководить работами. А еще лучше — взять их на себя. У рабочих и без того хватает забот. Их всего четверо: Марат и трое его сыновей. Со старшим вы уже познакомились — Павлом. Тимур и Руслан близнецы. Замечательные ребята. С детства помогали отцу, а теперь сами выросли в настоящих масте-

ров. Это ведь они сделали для меня весь первый этаж. Там скоро откроется мой новый магазин.

— Да, сам дом уже памятник архитектуры. Даже если фреска окажется не так ценна, как мы думаем, то это не уменьшает ценность самого дома.

— Лерочка, ну как Лёбо может быть не ценен? Даже если там уже нечего будет восстанавливать, то уже имеющийся фрагмент невероятная находка!

— Я просто боюсь заранее очаровываться, — Лера старалась подбирать слова, словно ей нужно было сообщить ребёнку, что Деда Мороза не существует. — Это может быть репродукция или невероятное совпадение по схожести. Да, лицо очень похоже на знаменитую Ла Нимф Бланш, но он стал писать ее спустя годы после отъезда из России. Как он мог написать ее до 1917 года? Он в целом еще тогда не занимался росписью стен как художник. В общем я очень боюсь вас потом разочаровать...

Лера выдохнула и отпила еще глоток вина. Выражение лица Бергера очень ее удивило. Он не расстроился, наоборот, хитро улыбнулся, промокнул губы салфеткой, словно тянул время и наслаждался моментом.

— Вы настроены скептически Лерочка, я понимаю. А я вот очень даже нет. И я предвкушаю встречу с нашей Белой нимфой. Возможно, самой первой в истории.

— Почему же вы так уверены?

— Потому что Владимир Лебедев родился и вырос в этом

доме. Этот дом принадлежал его семье. О, а вот и суп. Прошу вас, ешьте. — Бергер ещё больше повеселел, наблюдая, как Лерино лицо вытягивается в удивлении. — А дела давайте чуть на потом. А то всё остынет.

Глава 2

Лера проснулась без будильника и несколько секунд смотрела в незнакомый потолок, пытаясь вспомнить, где находится.

Дом. Петербург. Фреска. Лёбо.

Вчера эти мысли теснились в голове вперемешку с усталостью и вином, сейчас требовалось выстроить их в четкую последовательность. Она огляделась в поисках телефона или хотя бы часов, но ничего не обнаружила. В глаза сразу бросился старый тяжелый платяной шкаф из темного дуба, явно довоенных времен. Он стоял посреди стены, чем визуально делал комнату еще меньше. Лера отметила, что хочет передвинуть его к углу, но своими силами явно не справится. Комнату в целом ждал капитальный ремонт. Старые обои с неброским растительным орнаментом местами выцвели, местами разошлись по швам, но именно это придавало комнате ощущение прожитой жизни. Лера спала на массивной чугунной кровати с высоким изголовьем. Матрас, разумеется, был совершенно новым, как и белоснежное постельное белье, но сама кровать наверняка помнила еще прежних хозяев дома.

Она приподнялась на локте и тут же невольно дернулась: прямо напротив что-то шевельнулось. Через секунду Лера поняла, что это всего лишь ее собственное отражение. Напротив кровати висело большое старинное зеркало, которо-

го вчера она даже не заметила. Серебряный слой на нем давно осыпался, оставив темные пятна, похожие на засохшие чернила.

— Отличное место для зеркала. Просто отличное, — поутреннему недовольно пробурчала она под нос.

Лера прислушалась к звукам, надеясь хоть так понять, как долго она спала. Дом был тих, рабочие явно еще не приступили к своим обязанностям, с улицы практически не доносилось звуков. Внезапный стук заставил Леру слегка дёрнуться снова. Стук шел от главной двери. Звонка в квартире явно не было. Застегивая на ходу джинсы, Лера прошла по просторному пустому коридору и открыла дверь.

— Вам от Аркадия Львовича, — молодой парнишка, пропустив вежливое приветствие, сунул Лере большой пакет. — Просил уточнить, нужно ли вам что-либо.

— Все в порядке, — Лера машинально забрала пакет. — Ничего не нужно.

— Отлично, — парень явно обрадовался, что лишней работы ему не подкинут, — Аркадий Львович просит вас не стесняться и звонить ему по любому вопросу.

Последнюю фразу он уже договаривал, бодро спускаясь вниз по ступенькам.

— Спасибо, — крикнула ему вслед Лера.

— Незашт, — донеслось уже где-то снизу.

Кухню Лера нашла сразу, точнее, ее черновой вариант. В комнате в глаза сразу бросалась кофемашина. Зерна к ней

явно покупал человек, знающий толк в хорошем кофе. Сама кухня была просторной, но абсолютно пустой. Длинная столешница с раковиной и двухкомфорочной плитой, маленький холодильник и круглый кухонный стол на пару человек.

Лера выгрузила содержимое пакета на стол. Свежая выпечка, сыры, молочка, овощи и фрукты, бутилированная вода. Все самое качественное и свежее. От запаха свежееиспечённого круассана заурчало в желудке. Аромат кофе быстро наполнил квартиру жизнью. Завтрак был как нельзя кстати. Лера написала Бергеру слова благодарности за гостеприимство и отметила про себя, что вечером попросит его больше не беспокоиться о её пропитании. Позавтракать спокойно у неё не получилось, хоть она старалась перестать жить так, словно за ней гонится хищник и чуть замедлиться. Внизу ждала фреска и ни о чём больше думать Лера не могла.

— В общем, мы подготавливали стены, снимали старые слои, и тут она, — Павел кивнул в сторону фрески. — Аркадию Львовичу сообщили и фото отправили. А он сразу звонить нам и давай в трубку «Голубчики мои, умоляю вас! Ни единого сантиметра не трогайте! Дождитесь специалиста!», — Павел попытался спародировать Бергера, но быстро покраснел от неловкой попытки пошутить. — ну вот, дождались вас.

— Правильно сделали.

— Мы, если что, можем еще отбить фрагмент, — Павел поднял шпатель.

— Это если решили ее уничтожить, — Лера взглянула на инструмент так, словно в его руке оказался нож. — Пожалуй, не стоит.

Павел виновато усмехнулся.

— Тогда, может, что нужно?

— Небольшой стол. Под инструменты.

— Эт можно.

Он скрылся в соседнем помещении.

Оттуда сразу послышались голоса.

— Батя, где тот маленький столик?

— Какой еще?

— Ну, что для инструментов сколотили.

— Забирай.

Через минуту Павел вернулся с невысоким деревянным столом, а следом, уже скорее из любопытства, выглянули еще трое мужчин.

— Знакомьтесь, — кивнул он в их сторону. — Это мой отец, Марат. И братья — Тимур и Руслан.

— Руслан, — сказал молодой мужчина с короткой стрижкой почти под ноль и татуировкой во всю руку.

— Тимур, — помахал Лере его брат-близнец с хвостом на голове и бородой.

Лера кивнула каждому.

— Валерия.

— Знаем,— улыбнулся один из близнецов. — Аркадий Львович вчера весь вечер рассказывал, какого специалиста к нам везет. Уже сами ждем что же за сокровище спрятано под носом.

— Это мы скоро увидим, —Марат хлопнул сына по плечу, добавил: — Ну все, хватит глазеть. У нас своей работы полно.

Рабочие вернулись в комнату.

Лера расстелила на столе плотную ткань и принялась раскладывать инструменты. Установив строительный прожектор, она осмотрела стену и тут же открыла телефон. Через минуту Бергер получил список всего, чего ей не хватало для работы. Ответ пришел почти мгновенно: «Всё будет в лучшем виде в ближайшее время».

Спустя час в парадную вошел тот же юноша, что приносил Лере завтрак, только теперь у него в руках было два больших кофра.

— Куда ставить?

— Просто поставьте к столу, спасибо, — Лера выключила свой налобный фонарь, чтобы не светить им в человека. — Вы у Бергера работаете курьером?

— Я главный по быстрой и бережной доставке чего угодно куда угодно, — с деловым видом произнес парень. — Доставлю все, что надо, хоть из-под земли. В пределах Уголовного кодекса, конечно.

— О, Кешенька,—Марат вышел на знакомый голос,—а что—то ты рано ,мы тебя к обеду ждали.

— Так я не по вашу душу, Марат Васильевич. Обед будет к двум.

Он уже повернулся к Лере.

— Иннокентий. Будем знакомы.

—Валерия, —сказала Лера уже в спину уходящему парню. —Будем.

— Хороший паренек, этот Кеша, —сказал Марат, когда парень скрылся за дверью, — Себе на уме немного, зато по нему часы сверять можно. Сказал в два — значит, в два.

— Пунктуальность — одна из самых изящных форм уважения, — вспомнила Лера слова Бергера.

—Не думаю, что этот чудила руководствуется этой мыслью, —ухмыльнулся Марат. —Ну встретимся на обеде. Кеша все привезет.

Лера начала с уже раскрытого участка у лица. Работа продвигалась медленно. Кончиком скальпеля она подцепляла край позднего слоя и снимала его крошечными фрагментами, иногда не больше ногтя. Затем откладывала скальпель, мягкой кистью сметала осыпавшуюся крошку и снова приближалась к стене.

Постепенно вокруг лица проступало все больше живописи. Сначала открылась линия виска, потом золотистый изгиб волос. Где-то поздний слой отходил легко, тонкими сухими

чешуйками, а где-то держался настолько крепко, что Лера предпочитала оставить его и вернуться к этому участку позже. Торопиться здесь было самым простым способом что-нибудь испортить.

Через какое-то время Лера перестала замечать даже Франсуазу Арди, громко звучащую в наушниках. Скрежет инструментов из соседней комнаты, голоса рабочих, шаги по лестнице — всё осталось где-то за пределами её внимания. Лера то приближалась к стене почти вплотную, то отступала на несколько шагов, оценивая открывшийся фрагмент целиком, меняла положение света и снова возвращалась к работе.

Штукатурная крошка понемногу собиралась на ткани под стеной, а девушка под ней словно медленно выходила наружу. Появились волосы, тонкая линия шеи. Чем ближе Лера подбиралась к плечам, тем чаще стучало сердце. Ей нужно было увидеть хотя бы небольшой фрагмент одеяния, чтобы наконец поверить в настоящее чудо и написать Бергеру: «*Это она*». Но спешить здесь было нельзя.

Лера вынула один наушник, и вместе с музыкой вернулись все остальные звуки. В соседней комнате рабочие смеялись и гремели посудой. Она взглянула на часы и только тогда поняла, что без остановки проработала четыре часа. Тут же обнаружили и духота, и резь в глазах, и усталость в руках.

Лера погасила лампы, подхватила сумку и уже собиралась уходить, когда появился Павел.

— Вы закончили? А то всё стынет. — Он жестом пригла-

сил Леру в соседнюю комнату. — Мы вас звали-звали, а вы как в трансе. Решили уже не беспокоить.

— Я думала поест в кафе. — Лера замялась. Есть в большой компании незнакомых людей ей сейчас совершенно не хотелось.

— Так не стесняйтесь, на вас тоже рассчитывали. — Павел понял её отказ по-своему. — Аркадий Львович никого голодным не оставит. Так что просим к нашему столу.

Лера вздохнула и вошла в комнату.

Та была залита светом из больших окон. Великолепный паркет из тёмного дерева проглядывал сквозь прозрачную защитную плёнку; ею же здесь было укрыто практически всё — от подоконников до камина. По краю высокого потолка тянулась широкая лепнина: листья аканта переплетались в завитки, расходились по углам и обрамляли небольшие цветочные розетки. Середина потолка оставалась совершенно гладкой. Лера уже мысленно прикидывала, какая люстра могла бы дополнить всё это великолепие.

Из царства плёнки и строительной пыли особенно забавно выбивался накрытый цветастой скатертью стол. Сервирован он был скромно, но по-домашнему уютно. За ним сидели рабочие вместе с Иннокентием и уже заканчивали обед чаем с ягодным пирогом.

— Валерия, прошу, вот ваш обед. — Руслан снял фольгу с первой тарелки. Под ней обнаружился финский сливочный суп. — Скорее всего, уже немного остыл, но должно быть

вкусно.

Павел тут же отодвинул для Леры стул, Тимур потянулся за бутылкой воды и наполнил ей стакан.

— Спасибо. — Лера несколько растерялась от такого количества заботы.

Марат наблюдал за сыновьями с плохо скрываемой улыбкой. Он слишком хорошо их знал, чтобы не заметить, что сегодня каждый из троих старался быть чуточку обходительнее, чуточку остроумнее и в целом пытался произвести на Леру впечатление.

Один Иннокентий не принимал участия в неожиданном параде хороших манер. Он сидел с краю стола и с таким увлечением ел свой пирог, словно происходящее вокруг не имело к нему никакого отношения.

— На второе бефстроганов с пюре. — Марат указал на другую тарелку, закрытую фольгой. — Салат, чай, пирог. Всё лучше, чем в любом ресторане.

— А откуда это всё?

— Мы ресторанные доставки не жалуем, поэтому Бергер нанял нам повара. Готовят специально для нас, домашнюю еду, а наш Кеша всё с пылу с жару привозит.

— Да-да, полчаса назад всё было горячее, — чуть недовольно заметил Иннокентий. — И к трём мне нужно доставить всю посуду обратно. Так что прошу к двум не опаздывать.

— Ой, ну Кеша, кто с тебя требует эти тарелки? Работает

человек, — добродушно одёрнул его Марат.

— Я тоже работаю. В моём расписании в три тарелки уже должны быть доставлены обратно. Поэтому через тринадцать минут я их забираю. Еду можно переложить в ланч-боксы, если не успеваете поесть из красивых тарелок.

— Ну Кеша... — начал Марат.

— Я поняла вас, Иннокентий, — спокойно сказала Лера. Ей и самой всегда было легче жить, когда правила были понятны. — Я не знала о строгости расписания. Теперь буду подходить к двум. Сейчас переложу еду.

— Я помогу.

Все три брата поднялись почти одновременно.

— Лера, ешьте спокойно, — Марата всё сильнее забавляло поведение сыновей. — Я смотрю, пора переименовывать нашу фирму в «Марат и три джентльмена».

Лера отступила на несколько шагов и потеряла затекшую шею. За сегодняшний день удалось расчистить часть волос и лицо.

За стеной стих перфоратор. Кто-то захлопнул ящик с инструментами, Марат громко напомнил сыновьям ничего не забыть. Рабочий день подходил к концу, но Лера решила дать себе еще полчаса.

Она потянулась за кистью, лежавшей на столе, обернулась и вскрикнула от неожиданности. Почти вплотную к ней стоял мужчина. На крик вышли рабочие.

Мужчина не обращал внимания ни на кого. Он всматривался в лицо на фреске. На его глазах наворачивались слезы. Лера объяснила себе, что это от яркого света реставрационных ламп.

— Это же она, — почти прошептал мужчина.

— Вы узнали в ней Белую Нимфу Лёбо?

— Что? — Мужчина словно вышел из-под гипноза и впервые посмотрел на Леру. — Это моя бабушка.

— Ну началось, — услышала Лера голос кого-то из братьев.

Она непонимающе смотрела то на незнакомца, то на Марата и его сыновей.

— В смысле ваша бабушка?

— Ну так, в прямом. Моя бабуленька жила в этом доме, как и мой дед. Он, между прочим, этим домом владел.

— Василий, ну поздний вечер, что ты людям мозги делаешь? — Марат подошёл к нему и аккуратно положил руку ему на плечо. — Иди домой, не пугай девушку.

Лера сразу поняла кто перед ней вспоминая разговор с Бергером. Второй этаж. Станный, но не буйный

— Я никого не пугаю, — оскорбился Василий. — То, что вы в моём доме хозяйничаете, — с этим я смирился, но не надо тут из меня злодея делать.

— Так что там про вашу бабушку? — Лера хотела услышать ещё одно мнение, кем могла быть дева на фреске. —

Вы родственник Лебедевых?

Василий вдруг воодушевленно закивал головой.

— Да-да. Он был мне дедом.

— Лера, нууу...—Марат замялся, —вы бы не слишком вникали.

— Я! Я покажу! Я докажу! Но не вам. — Василий пытался говорить с Маратом смело, хоть тот и был значительно сильнее и выше его. — Перед вами бисер метать не буду. Я девушке покажу.

—Так, —Павел встрял в диалог, —не надо ничего показывать девушке.

Василий поник, устав держать лицо перед четырьмя здоровыми мужиками. От этого и без того шуплый мужчина показался Лере ещё более хрупким. Её любопытство смешалось ещё и с жалостью к нему.

— Что вы хотели показать? —Лера попыталась взглядом объяснить Павлу, что ей не нужна защита, но он вряд ли это считал, — меня интересует все, что касается этой фрески.

Василий опять встрепнулся, как щенок, которого ласково позвали.

— Я сейчас, сейчас не уходите!—Мужчина побежал вверх по лестнице, но остановился и обратился к мужчинам, — а вы можете идти.

— Да уж куда там, —сказал Марат. —Подождем ваших доказательств.

— Узнаёте? — Василий доверил Лере старинный снимок, а сам попытался заслонить его от остальных, как мальчишка, не желающий, чтобы у него списывали.

Лера узнала. Среди всех людей на снимке она сразу увидела её. Пусть вместо почти прозрачных, лёгких одеяний на ней было строгое платье с белым передником, а обычно свободные локоны были собраны в высокую причёску и скрывались под чепцом вместо привычного венка — это всё равно была она. Нимфа Лёбо.

Да и сам Лёбо — здесь ещё совсем молодой Лебедев — стоял по правую руку от неё. На переднем плане, прямо перед ним, в кресле восседала женщина. Одной осанки было достаточно, чтобы безошибочно определить в ней хозяйку дома. Рядом с девой с фрески стояли другие горничные и гувернантка, по другую сторону от Владимира — мужчины, явно служившие семье. На заднем плане виднелась часть дома Лебедевых.

Лера поднесла фотографию ближе к свету. Ошибиться было невозможно. Тот же овал лица, линия носа, разрез глаз. Даже то едва уловимое выражение, которое Лёбо потом будет повторять снова и снова.

— Откуда у вас этот снимок?

— От бабки. — Василий указал на одну из горничных. — А ей Агата перед смертью отдала. Хозяйка, собственно.

— Я запуталась, — Лера продолжала рассматривать снимок. — Кто ваша бабушка?

Василий слегка замялся.

— Ну, настоящая моя бабушка — вот. — Он указал на девушку рядом с молодым Лебедевым, не касаясь пальцем фотографии. — А вот эта считалась моей бабкой.

Палец переместился к другой горничной.

Лера наконец оторвалась от снимка и посмотрела на Василия.

— Я ничего не понимаю.

— Ой, да кого вы слушаете? — Тимур явно устал и хотел домой. — Ну сколько можно?

— Я вот знал, что нечего мне при вас распыляться! — Василий аккуратно забрал фотографию из рук девушки. — Всё. При вас больше ничего говорить не буду.

— Пойдите. — У Леры было ощущение, будто у неё из рук только что выдернули тонкую ниточку, ведущую к ответам. — У меня теперь ещё больше вопросов.

Василий довольно улыбнулся.

— Ну хоть один нормальный человек. Вы зайдите ко мне, как эти уйдут. Я вам всё-всё расскажу.

— Вот ещё, — Павел шагнул ближе, словно невзначай оказываясь между Лерой и Василием. — Вы чего девушку к себе заманиваете?

— Да за кого вы меня принимаете?! — Голос Василия сорвался почти на визг.

— За городского сумасшедшего, — донеслось сзади от Руслана.

Василий замер.

— Это невозможно! Мужланы! Хамы! Тупицы!

Он быстро зашагал вверх по лестнице. Последние слова прозвучали уже совсем тонко, почти по-детски обиженно, а через несколько секунд хлопнула дверь его квартиры.

Повисла неловкая тишина.

Лера промолчала. Отчитывать взрослых мужчин ей не хотелось, хотя Руслан определённо заслуживал хотя бы одного её преподавательского взгляда.

— Я, пожалуй, тоже пойду.

Она вернулась к столу и начала собирать инструменты.

— Лера, простите нас за эту сцену. — Марат хоть и не участвовал в маленькой словесной потасовке, но счёл нужным извиниться. — Василий вроде мужик неопасный, но всё-таки не ходите к нему одна. Кто их знает, этих чудаков.

— Я пойду спать, — Лера убрала последние инструменты в сумку. — Ещё нужно отчитаться перед Бергером.

— Я провожу. — Павел потянулся к её сумке.

— Мне правда не нужна помощь. — Лера перехватила её раньше и направилась к лестнице.

— Пойдёмте, орлы. Оставьте уже Леру в покое. — Марат, кажется, единственный правильно считал её настроение. — Спокойных снов. До завтра.

— Спокойной ночи.

— Лера!

Павел нагнал её уже на третьем этаже.

— Я не хочу казаться навязчивым...

— Но уже кажется.

Слова вылетели раньше, чем Лера успела их придержать. Она тут же пожалела о резкости, но сил на ещё один заход заботы у неё почти не осталось.

— Я просто хочу попросить вас записать мой номер. На всякий случай. — Павел кивнул в сторону нижних этажей.
— Я живу недалеко. Примчусь минут за десять.

— Павел, я не маленькая. Со мной всё будет хорошо.

— Я понимаю. Правда. Но так всем будет спокойнее.

Кому именно «всем», Лера уточнять не стала. На спор уже не было сил. Она достала телефон и протянула его Павлу.

— Записывайте.

Лера убрала остатки обеда в холодильник. Есть совершенно не хотелось. Прохладный душ немного смыл тяжесть этого дня, но расслабиться так и не помог. Лера очень хотела поскорее уснуть, но сон не шёл. Не помогали даже плотные шторы, скрывающие светлые петербургские ночи.

Бергеру она отправила только фотографию проделанной работы. Об инциденте с Василием решила пока ничего не писать — лучше обсудить всё лично. Но Бергер спутал её планы, сообщив, что срочно вылетает во Францию на торги и вернётся только после удачной сделки.

«Я словно и сам сейчас иду по следу Лёбо. Нашлись инте-

ресные артефакты в одном из антикварных салонов Лиона. Я весь в предвкушении», — писал он.

Лера вдруг поймала себя на том, что прислушивается. Ей совершенно не хотелось услышать стук в дверь. А что, если Василий решит сам к ней прийти?

Ну и что? Она просто не откроет. Дверь заперта. Да и сам Василий не выглядел опасным.

Нужно проверить защёлку.

Лера уже приподнялась с кровати, но остановила себя. Она точно помнила, как запирала дверь. Проверять не было никакой необходимости.

Дышать. Ровно.

Ей совсем не нравилось, куда начинали сворачивать мысли. Именно от этого она и приехала сюда — сменить обстановку, загрузить себя работой, наконец перестать прислушиваться к собственному сердцу и ждать, когда оно снова сорвётся с привычного ритма.

Лера взяла телефон. Может, написать Вере? Подруга просила звонить или писать в любое время, как только Лера почувствует, что ей это нужно.

Нет. Уже поздно. У Веры дети, работа, да и своих проблем хватает. Надо справляться самой.

Экран вдруг засветился.

Верунчик: *Ты как? Я беспокоюсь и скучаю.*

Лера закрыла глаза и с облегчением выдохнула.

Только одному человеку в этой жизни она могла честно

написать: *кажется, я схожу с ума.*

Глава 3

Резкий стук вытащил Леру из глубокого сна. Сердце заби-лось с бешеной скоростью. В почти кромешной темноте ком-наты она быстро нащупала телефон и взглянула на время.

Девять утра. Ровно.

Моментально стало легче. Она совсем забыла попросить Кешу не приносить ей завтрак. Быстро шагая по коридору, Лера даже улыбнулась, поймав себя на том, что уже и про себя называет Иннокентия Кешей.

— Спасибо большое, Иннокентий. — Лера забрала у пар-ня пакет. — Вы можете больше не приносить мне завтраки.

— Это вы через Аркадия Львовича решайте, — сказал Кеша и устремился вниз по лестнице. — Он заказчик.

— Спасибо! — уже привычно крикнула Лера куда-то вниз.

— Незашт! — донеслось уже оттуда.

— Доброе утро. — Павел протянул Лере стаканчик с ко-фе. — Мы тут заходили в кофейню и решили вам тоже взять. Просто чёрный, но молоко и сахар отдельно.

— Я такой и пью, спасибо. — Валерия считала, что от-казываться тут невежливо. — Но в следующий раз на меня можно не брать.

— Хорошо. — Павел немного смутился. Ему казалось,

что в свои тридцать он уже умеет общаться с женщинами, но рядом с Лерой почему-то чувствовал себя неуверенно. — Вас ночью не беспокоили?

— Нет. — Лера отложила рабочий скальпель, поняв, что Павел так быстро уходить не собирается. — Меня никто не беспокоил.

— Это хорошо. — Он явно искал повод задержаться. — А как ваша Белая муза?

— Белая нимфа. Я ещё не уверена, что это именно она. Хотя игнорировать то, насколько её лицо похоже на другие работы Лёбо, уже сложно. Но многое решит одежда. Это его визитная карточка, если можно так выразиться.

— Это очень интересно. Я рад, что тоже немного к этому руку приложил. Расскажите о ней ещё?

— Молодой человек, приходите на лекцию вольнослушателем. Я на первом курсе рассказываю о Лёбо.

— Ну, для первого курса я староват. — Павел снова смутился, но решил напора не ослаблять. — А вы интересно рассказываете.

— Законы нашей страны дают право на образование в любом возрасте. Никто не староват для первого курса. Так что добро пожаловать на факультет искусствоведения.

— Я думал, вы реставратор.

— Я реставратор. Практически универсал, много учусь. Никогда для этого не поздно. — Леру уже начинало раздражать, что её отвлекают от работы, но виду она не подавала.

— А ещё преподаю историю искусств.

— Это ж когда у вас свободное время? — Павел осторожно прощупывал почву. — Муж не против вашей занятости?

— У меня нет свободного времени. И мужа тоже нет. — Тут сохранить невозмутимость Лере далось немного труднее. — А сейчас мне нужно работать. Прошу извинить.

Она поставила стаканчик с кофе на стол, взяла скальпель и демонстративно отвернулась к фреске.

— Да, мне тоже пора работать.

Павел наконец понял, что его уже не слушают, и решил тактически отступить. В конце концов, проигранный бой ещё не означал проигранной войны. Эта мысль его немного приободрила.

От обеда Лера отказалась. Выданную ей порцию ждала та же участь, что и остатки вчерашнего обеда, — забвение. Если работать без остановки, был шанс уже к вечеру приступить к расчистке плеч. Спускаясь ниже по шее, она уже смогла открыть небольшой фрагмент тонких белых лямок. Постесть можно и потом.

Василия видно не было. Он либо рано уходил, либо прятался от рабочих в своей квартире. Лера решила, что зайдёт к нему днём, пока мужчины ещё в доме. Остаться с ним наедине поздним вечером ей не хотелось. Но определённо нужно было всё выяснить до возвращения Бергера.

В сущности, личность женщины на фреске уже была почти установлена. В том, что молодой Лебедев взял в каче-

стве натурщицы горничную из собственного дома, не было ничего невероятного. Но неужели именно её он потом сделал своей Белой нимфой?

На известных Лере работах Лёбо нимфа почти никогда не смотрела на зрителя. Не смотрела она и здесь: стояла, чуть склонив голову, опутив взгляд куда-то перед собой.

Лера всегда любила сам процесс работы. Спокойно, шаг за шагом возвращать к жизни то, что когда-то было сделано человеческими руками — иногда великое, иногда совсем простое, но почему-то достойное того, чтобы быть сохранённым. Смотреть, как что-то старое постепенно молодеет под её руками, означало почти управлять временем. Сам процесс всегда казался ей чем-то вроде медитации.

Но сейчас она ощущала нечто иное — давление. Ей нужно было знать, насколько близко она подошла к настоящему открытию в мире искусства. Конечно, не уровня Да Винчи или Рафаэля, но и Лёбо занимал своё почётное место в истории.

Рингтон в наушниках прервал Стиви Никс. Лера взглянула на телефон. Вера как чувствовала, когда нужно позвонить. Валерии сейчас совершенно точно требовался хотя бы короткий отдых. Рабочие уже потихоньку собирались, и Лера вышла на улицу. Вечер был в самом разгаре. Свежий воздух немного разгрузил голову — его определённо не хватало для хорошего самочувствия.

— Ну как ты там? — спросила Вера после короткого приветствия. — Я уже начала волноваться, что ты так долго не

отвечаешь.

— Нормально. Работаю. Может, после этой работы ещё и в новости попаду.

Лера вкратце ввела подругу в курс дела.

— Это звучит правда здорово. Мне кажется, я даже помню, что ты что-то рассказывала про этого художника. Да-да, я тебя всегда слушаю. Даже когда ты начинаешь совсем душнить.

— Ты любишь, когда я душню, — улыбнулась Лера.

— Люблю. Бесплатные лекции от кандидата наук — считаю своей привилегией. И в институт твой ходить не надо: обычно лекции проходят на кухне или в ресторане. Красота.

Вера поняла, что незаметно подобралась к больной теме, но всё-таки осторожно спросила:

— Что теперь думаешь делать с институтом? Останешься?

— Я не знаю. — Лера посмотрела на небо, словно оттуда ей должны были дать надёжный совет, и глубоко вздохнула. Она устала решать, что делать дальше. Физически устала после сегодняшнего дня. В последнее время усталость вообще стала её привычным состоянием. — Мне больно уходить из института, но я просто не представляю, как теперь работать с ним.

— Милая, у тебя ещё два месяца на раздумья. Правильный ответ придёт.

— На самом деле меньше. Не хочу подставлять декана, уходя так близко к началу учебного года. Она всё-таки хоро-

шая тётка.

— Да. Это ректор у вас говно. Нет, не забывай это слово, — тут же обратилась Вера к залепетавшему рядом ребёнку.

Лера невольно улыбнулась.

Вообще-то Георгия сложно было назвать плохим ректором. Должность он получил заслуженно, едва ему перевалило за сорок. Молодой, перспективный, любимец коллег и студентов — о его назначении тогда говорили едва ли не с гордостью. Да и сейчас о нём никто не смог бы сказать, что-то плохое.

Кроме Веры.

Вера была готова мысленно сжечь любого, кто причинил её лучшей подруге хотя бы крупицу боли.

— До сих пор не понимаю, зачем тебе увольняться. Это он пусть увольняется.

— Он ректор.

— И что?

— Вера, обычно именно ректор увольняет преподавателей, а не наоборот.

— Плохая система. Я вообще считаю, что если бы не ты, то и ректором он бы не стал.

— Гео-гений. Я правда не встречала человека умнее его.

— Это потому, что ты его любишь. Хотя даже не так. Поэтому ты его и любишь. А у него помимо мозгов есть ещё слизнячий характер.

Лера хмыкнула.

— Я вот всё перебираю друзей мужа, с кем тебя можно познакомиться и не нахожу. Нет бы любить красивых или богатых. С хорошим там чувством юмора. А ей непременно самого умного подавай. И чтобы умнее её. Вот где я тебе найду мужика умнее тебя?

— Я так по тебе соскучилась, — Лера почувствовала, как нуждается в подруге сейчас рядом. Вот-вот подкатывали слезы.

— И я, моя милая. Звонить буду тебе каждый день. Напоминать отдыхать и есть. Вот ты сегодня отдыхала и ела?

— Я завтракала.

— А время сколько?

— Поздно уже для еды.

— Ох, — раздалось на том конце, — мне тебя приезжать кормить? Я могу. Я двухлетку могу накормить. С тобой и давно справлюсь.

— Приезжай, — улыбнулась Лера, — хватит пустых угроз.

— Так. А прогулки? Ты же знаешь, что голова хорошо работает только если её выгуливать.

— Валерия, мы уходим. — Павел вытаскивал рабочие сумки из подъезда. — Завтра выходной, нас не будет. Вы бы так не зарабатывались тоже.

— Что там за прекрасный голос? — оживилась подруга.

— Да, хорошо, Павел. — Лера стала говорить в трубку чуть тише, — да считай коллега.

—Симпатичный?

—Нормальный.

— Пришли фотку!

—Вера!

—Что? Пригласи его погулять. Тебе нужно гулять, а тут компания уже. Я же не говорю за него замуж выходить. Голос молодой, приятный.

— Он явно младше меня, рабочий тут, —объяснила Лера, когда Павел опять скрылся в парадной, —хороший, но нам не о чем поговорить.

— Ой, да о погоде поговорите. Приглашай давай. Я тебя знаю, сейчас забуришься в работу и совсем зачухнешь. Тебе нужен отдых. Приглашай.

—Павел, обратилась к нему Лера, когда тот опять показался из парадной с сумками, —не хотите ли завтра прогуляться?

— Прогуляться? — Он явно не ожидал от Леры такого предложения, но растерянность почти сразу сменилась улыбкой. — Завтра очень хочу.

— Тогда в пять?

— Да. Да, чудесно. Я зайду за вами в пять.

Лера попрощалась с рабочими и проводила их взглядом до машины.

— Довольна? — спросила она у терпеливо ожидавшей всё это время Веры.

— Очень. Завтра жду подробностей.

Лера достала из холодильника кусочек брауни, предназначенный ей ещё на обед. Организм требовал сладких углеводов, и шоколадный пирог сейчас был как нельзя кстати.

Она всё чаще ловила себя на фантомной потребности делиться с Гео всем, что с ней происходило. Как же хотелось сейчас рассказать ему о фреске. Он бы оценил. Они могли бы проговорить об этом до самого утра.

Они всегда делили такие моменты триумфа на двоих.

«Только ты меня ТАК понимаешь», — часто говорил он ей.

«Решил сразу тебе сообщить».

И так обо всём: о защите докторской, назначении деканом, потом ректором, интервью для журналов и телеканалов. Он стремился рассказать ей обо всём, но никому не стремился рассказать о ней.

Лера резко отодвинула тарелку. Блюдце стукнулось краем о стол, качнулось, но устояло.

Эта мысль всё ещё причиняла боль. А собственная уязвимость перед его одобрением бесила ещё сильнее.

Самое мерзкое — она ведь всё понимала.

Не сейчас, задним числом, когда любое воспоминание можно разобрать на удобные доказательства собственной глупости. Понимала тогда. Каждый раз, когда Гео уходил один на очередной приём. Когда на вопрос коллег о выходных она привычно отвечала, что провела их дома. Когда они

случайно встречались в институтском коридоре и он становился для неё Георгием Давидовичем, а она для него — Валерией Сергеевной.

Всё это Лера видела. И всё это умела себе объяснить.

Сперва она была его студенткой. Когда Георгий впервые дал понять, что заинтересован в ней не только как в своей ученице, Лера не могла поверить собственному счастью.

С первого дня занятий молодой преподаватель казался ей каким-то небожителем, как минимум заместителем Афины. Эту мысль, кажется, разделял весь женский состав её группы. Георгий был не просто умён — он был невероятно обаятелен и хорош собой: тёмно-карие, почти чёрные глаза с золотой каймой вокруг зрачка, густые, слегка выующиеся волосы, греческий нос. Но если бы девушек спросили, чем именно он так всех манил, они наверняка ответили бы — улыбкой. Своей улыбкой Георгий обезоруживал даже самых строгих и чопорных дам.

И вот он не просто выделил Леру среди всех девушек института. Он восхищался ею. Искренне. Её трудолюбием, стремлением учиться, умом и эрудицией. Лера не пропускала его лекций, всегда отказывалась от «автомата», лишь бы ещё раз блеснуть знаниями перед преподавателем и получить очередную порцию похвалы. Иногда он полушутя предлагал ей перейти к нему на исторический факультет, но Лера оставалась верна искусствоведению — и это тоже его восхищало.

— Я так редко встречаю людей, настолько преданных своему делу, — сказал он ей однажды, когда после романтического вечера они лежали, обнявшись, в постели. — И столько знаю женщин, которые сначала учатся, набивают голову знаниями, а потом выскакивают замуж, уходят в материнство — и зачем всё это было? А тебя я вижу выдающимся учёным. За тобой лучшие университеты мира будут в очередь вставать с просьбой прочитывать хотя бы курс лекций. Какая у тебя сейчас основная специализация?

— Монументальная живопись, — промурлыкала Лера, положив голову ему на плечо. — От Древнего Египта до советского времени. Пока не знаю, на чём именно остановиться.

— Да тебе всё подвластно.

Гео поцеловал её в макушку.

В свои двадцать с небольшим Лера не придавала большого значения его словам о женщинах, уходящих в замужество, словно бросающих монастырь ради мирского. Только для Гео монастырём был скорее сам институт. Даже храмом — и вытаскивать его служителей наружу, в мир бытовых забот, казалось ему почти кощунством.

Конечно, Лере хотелось поделиться со всеми своим счастьем. Она встречалась с лучшим мужчиной на земле. Но она была его студенткой и Гео настоятельно просил вести себя скромнее на людях. Тогда это казалось разумным.

Зато поездки за границу Лера любила больше всего. Там

они до боли в ногах бродили по музеям и историческим местам, спорили об увиденном, возвращались в гостиницу совершенно измученными — и, главное, много обнимались и целовались. Открыто. Не оглядываясь.

Если кто-нибудь и обращал на них внимание, то видел только одно: эта парочка без ума друг от друга.

Далее они работали в одном институте. Конечно, не стоило давать повода для сплетен. Потом Гео стал деканом — тем более. После назначения ректором всё стало ещё сложнее. Лера сама могла перечислить десяток причин, почему их отношения лучше оставить за дверьми квартиры.

Ещё с юности Лера увлеклась реставрацией. Сперва изучала всё самостоятельно, потом ходила на курсы реставрации мебели, книг, ювелирных изделий и в итоге поступила на второе высшее в художественный вуз, хотя давно уже себя зарекомендовала как специалиста.

Георгия это не смущало. Он сам много работал и только подшучивал, что Лере ещё нужно устроится менеджером организации, потому что так грамотно распределять время и всё успевать — это талант.

Время шло, и Лера всё чаще задумывалась о другой жизни с Гео. Она, безусловно, могла прожить так всю жизнь, но иногда всё же осторожно спрашивала его о планах на будущее. В ответах неизменно были достижения, новые должности, награды — и ничего о браке или детях.

Тогда Лера спрашивала себя: согласна ли она прожить всю

жизнь, реализуя себя только как специалист, если взамен сможет быть рядом с любимым мужчиной? И ответ всегда был один — да.

Она решила, что Гео просто не нужна такая жизнь. Ни брак, ни дети, ни вся эта обыкновенная семейная суета. Что ж, ей вполне хватало их Олимпа на двоих.

От последней мысли Лера громко всхлипнула.

Тарелка с шоколадным пирогом полетела в стену.

Глава 4

Леру разбудил стук в дверь. Она сощурилась от утреннего света. Вчера она настолько выбилась из сил, что даже забыла задвинуть шторы.

— Оу, — протянул Кеша, отдавая Лере пакет с завтраком. На этот раз он даже не рванул по привычке вниз по лестнице. — С вами всё хорошо?

— Да. — Лера непонимающе взглянула на него. Голова у неё болела, но она не думала, что это может быть заметно. — Вы и по выходным работаете?

— Моя самая любимая работа — по выходным. Оплачивают больше, пробок нет, в метро толп нет. Время можно рассчитать идеально. Вот сегодня всего два задания, а заплатят больше, чем за загруженный будний день. Ну не красота ли?

— Красота.

— Ну. Приятного аппетита. Вы там это... не просите Бергера убрать завтраки, ладушки? И мне работа, и ему забота, и вам завтрак. Хорошо же?

Лера посмотрела на пакет в своей руке.

— Хорошо.

— Всего доброго.

Кеша театрально поклонился и спокойно направился к лестнице. Сегодня он явно никуда не спешил. Даже задорно

насвистывал себе что-то под нос.

Лера взглянула на себя в зеркало. Что ж, полночи слёз дали о себе знать. Такой опухшей она не была даже в период своего маленького запоя. Мозгов Лере хватило, чтобы перестать покупать очередную бутылку вина, но как ещё себе помочь, она не знала. Именно тогда Вера очень вовремя взяла над ней шефство. Она так это и называла — «шефство по возвращению тебя к жизни».

— Вер, у тебя очередь клиентов на год вперёд, дети, муж. Куда тебе ещё меня?

— Ну, во-первых, профессиональная этика запрещает мне брать в клиенты родственников и друзей. Поэтому ты не мой клиент, ты вне очереди. А во-вторых, ты тоже моя семья. Я вообще тебя знаю вдвое дольше, чем мужа и детей.

Вера улыбнулась, но Лера шутку не оценила. В тот момент она считала себя исключительно обузой.

— Я дам тебе номера коллег, которым доверяю как себе. А над тобой возьму шефство, как подруга. Буду следить, чтобы ты отдыхала, не забывала есть, отвлекалась, а самое главное — проживала свою боль.

— Тяжело, когда лучший психолог — твой родственник или друг. К нему не попасть на приём.

— Зато я рядом.

Вера села рядом и обняла её. Лера сразу опустила голову ей на плечо, и Вера только крепче прижала подругу к себе.

— Я не знаю, что говорить психологу. Я вообще словно

не могу об этом говорить.

— Это нормально. Ты сейчас в шоке. Это нормальная реакция. — Вера нежно поглаживала её по голове и чуть покачивалась, словно пыталась убаюкать ребёнка. — Расставание — маленькая смерть. В каком-то смысле так и есть. Человек уходит из твоей жизни, и вместе с ним исчезает та жизнь, которая у вас была. Прежней она уже не будет. И тебе сейчас не нужно срочно становиться сильной и придумывать новую. Сначала эту потерю надо просто пережить.

Лера всхлипнула. Она терпеть не могла плакать при других. Да и наедине с собой обычно старалась сдерживать слёзы. Ей почему-то всегда казалось, что заплакать — значит признать: она не справляется.

— Я воин и всегда себя им считала. — голос Леры дрожал от слёз. — Неужели я всю жизнь строила из себя кого-то другого? Почему я не могу сейчас отодрать себя от кровати? Когда я стала такой слабачкой?

— Все воины — люди. А людям нужен отдых и возможность иногда выпустить всё наружу. Ты себе этого годами не позволяла. Я вообще удивляюсь, как ты не свихнулась от такой нагрузки. То, что ты столько лет её выдерживала, скорее подтверждает, что ты настоящий воин.

— Ну вот Гео — воин. Не представляю его таким размазнёй, как я.

— Мы не знаем, какой он наедине с собой. Но скажи: если бы ты увидела его вот таким — разбитым, плачущим, неспо-

собным встать с кровати, — ты бы решила, что он слабак?

— Нет, — Лера ответила не раздумывая.

— Поддержала бы его?

— Конечно.

— Тогда почему к себе у тебя требования выше, чем к человеку, которого ты пятнадцать лет считала едва ли не совершенством?

Лера ничего не ответила.

— Ты вообще когда-нибудь позволяла себе просто устать? Не собраться через пять минут, не найти новую задачу, не загрузить себя работой по самую макушку, а сказать: всё, я больше не могу?

— Я люблю работать.

— Знаю. И всегда любила. Но иногда мне кажется, что последние годы ты уже не просто работала. Ты всё время куда-то бежала.

— Куда?

— Вперёд. Тебе всё время нужно было быть ещё умнее, ещё успешнее. Прыгнуть выше собственной головы, а потом обнаружить, что голова теперь выше, и прыгнуть ещё раз. Тебе никогда не казалось, что отчасти ты делала это и ради него?

Лера нахмурилась.

— Гео никогда от меня этого не требовал.

— Я знаю.

Вера сказала это совершенно спокойно.

— Думаю, он вообще не понимал, что ты это делаешь. Он просто так тобой восхищался. А ты очень любила, когда он тобой восхищался.

Лера налила себе вторую кружку кофе и встала у окна, наблюдая за чайками над петербургскими крышами. Вчера она обещала Вере, что проведёт этот день спокойно, размеренно и, главное, не будет работать.

Чашка сейчас казалась ей якорем, не дающим сдвинуться с места. Чем вообще занять себя до пяти? Столько кофе она точно не выпьет.

Может, хотя бы передвинуть ненавистный шкаф, который так неудобно стоял посреди стены?

Усилием воли Лера заставила себя ещё десять минут просто смотреть в окно и допивать кофе.

Лера всем весом навалилась на шкаф, но её пятидесяти пяти килограммов оказалось недостаточно для победы над тяжёлым старым предметом мебели. Кажется, этот стресс отнял у неё ещё несколько килограммов. Что ж, перестановка на сегодня отменяется.

Лера решила хотя бы осмотреть комнату с точки зрения её истории. Провела ладонью по обоям. Переклеивали их часто, но последний раз — явно не позже семидесятых. Простой паркет «ёлочкой» — не дорогое дерево, но прекрасный образец пола обычной городской квартиры начала XX века. Лера задумалась, как бы его спасти. Надо будет предложить

Бергеру знакомых мастеров, которые приведут его в порядок и тогда он прослужит ещё не одно десятилетие.

Она подцепила одну из расшатавшихся плашек и та неожиданно легко отошла от пола. Под ней обнаружились грязь и вековая пыль. Лера аккуратно вернула плашку на место. Да, полом определённо стоило заняться.

Зеркало.

Лера нежно провела пальцами по раме. Его она бы оставила как есть — только немного подлатать дерево. Старые зеркала с амальгамой Лера любила особенно. Для неё они давно переставали быть просто предметом быта и становились произведениями, которые медленно создаёт само время. Потемнения, лёгкая дымка, проступившие пятна — всё это зеркало приобретало само, год за годом. Такое в первую очередь украшало комнату, а покрасить глаза Лера могла и перед зеркальцем пудреницы.

Больше её взгляд ни за что не зацепился. Новые занавески, простая железная кровать.

Лера снова посмотрела в сторону двери. А что, если просто спуститься и убедиться, что с Нимфой всё хорошо? Это же не работа, верно?

Лера сидела на маленьком столике напротив фрески и всматривалась в открывшееся лицо молодой девы. Она ведь даже забыла спросить её имя. Знал ли его Василий? Самого Василия давно не было видно, а вопросов к нему у Леры на-

копилось достаточно.

Установить личность человека, изображённого на произведении искусства, стремились многие искусствоведы и историки и Лера сейчас была как никогда близка к разгадке. В том, что девушка позировала молодому художнику, не было ничего необычного. Возможно, это вообще было для неё подработкой. Но Владимир пронёс её образ через всю свою жизнь.

Василий назвал её своей бабушкой, а Владимира — своим дедом. Значит, по его версии, между ними был роман, причём с весьма серьёзными последствиями. Но Лера прекрасно знала: Владимир Лёбо никогда не был женат и, согласно официальной биографии, не оставил наследников. Василий мог сочинять. А мог и сам всю жизнь верить в чужую выдумку. В любом случае выслушать его версию стоило.

Лера подняла голову к лестничным пролётам.

Был день, но во всём доме они оставались одни. Дом стоял в глубине двора, случайные люди сюда почти не заходили.

С другой стороны, не станет же Василий на неё нападать.

— С каких пор ты стала такой нервной? — спросила Лера саму себя вслух и направилась к квартире Василия, стараясь не обращать внимания на неприятную ватность в ногах.

У двери квартиры было несколько звонков с разными фамилиями. Лера сразу обратила внимание на табличку «Лебедев» и нажала кнопку.

Так это действительно его фамилия?

За дверью не послышалось никакого движения. Выждав немного, Лера нажала кнопку с табличкой «Общий звонок» и невольно принялась. Никаких подозрительных запахов. Впрочем, и признаков жизни в квартире тоже. На всякий случай она постучала.

— Василий, вы дома?

Пустой дом отозвался эхом.

Лера уже собиралась уходить, когда взгляд зацепился за очертания старинного звонка. Она осторожно провела по нему кончиками пальцев. Когда-то им пользовались первые хозяева этой квартиры. Маленький язычок, приводивший механизм в действие, был вырван, а красивую металлическую рамку кто-то небрежно покрасил в цвет стены.

Какое кощунство.

Потоптавшись у двери ещё около минуты, Лера поднялась к себе. Лучше занять себя чтением до прихода Павла. Или поискать какую-нибудь новую информацию о Лёбо в интернете. Правда, добрая половина приличных статей о нём там была написана самой Лерой.

Она глубоко вздохнула.

Это будет долгий день.

Работать было проще.

— Ну и после этого Руслан неделю со мной не разговаривал. Неделю! Хотя виноват вообще-то был Тимур.

Лера рассмеялась и отпила кофе.

Они уже успели съесть каких-то совершенно неприличных размеров бургеры, пройтись по нескольким историческим местам, о которых Лера знала достаточно, чтобы по пути устроить Павлу небольшую импровизированную экскурсию и теперь медленно брели по вечернему Петербургу со стаканчиками кофе в руках.

Они давно перешли на «ты» и легко находили темы для разговора. Уверенность вернулась к Павлу, как только он понял, что Лера не такая уж снежная королева, как они успели окрестить её в своей компании. Но иногда он всё же смущался и тогда у него забавно краснели уши. Лера это подмечала и находила даже милым: такой высокий, широкоплечий мужчина — и так по-мальчишески краснеет.

Гео не смущался никогда. Казалось, вся уверенность мира каким-то образом досталась этому человеку.

Лера вдруг поймала себя на этой мысли.

Надо же. Первая мысль о Гео за весь день.

За время прогулки она не думала ни о нём, ни об институте, ни даже о Белой нимфе. И это было приятно. А главное — впервые давало почувствовать, что исцеление действительно возможно.

— Звучит так, будто зачинщиком действительно был Тимур.

— Вот! — Павел даже остановился. — Наконец-то человек, который хочет разобраться, прежде чем меня осуждать.

— Это что, Василий? — Лера устремила взгляд куда-то

за плечо Павла.

— А, да. Сколько себя помню, он тут стоит, — Павел обернулся в сторону Василия. — Картинами своими торгует. Лет тридцать уже торгует, а рисовать так и не научился.

Лера уже направилась к ряду уличных художников.

— Валерия, добрый вечер, — вальяжно произнёс Василий.

Здесь у него явно было своё амплуа. Выглядел он как карикатурное воплощение художника: берет, лёгкий шарф, небрежно повязанный на шее, чуть надменное выражение лица.

— Полюбуйтесь моими произведениями.

Лера пробежалась взглядом по довольно посредственным акварелям с видами Санкт-Петербурга.

— Я к вам сегодня заходила. Вас не было.

Оценку его художественных способностей Лера решила оставить при себе.

— Так я все выходные здесь, — Василий развёл руками. — Радую глаз гостей нашей культурной столицы с утра до позднего вечера. Но мне приятно, что вы решили уделить мне внимание. Я с удовольствием приму столь прекрасную даму у себя в свободное время.

Последнюю фразу он произнёс нарочито громко, явно рассчитывая, что коллеги тоже услышат. Коллегам, впрочем, не было никакого дела ни до Василия, ни до прекрасной дамы.

Только Павел рядом чуть напрягся.

Они попрощались с Василием, договорившись поговорить о Лёбе в ближайшее свободное время, и продолжили прогулку. Павел настоял на том, чтобы проводить Леру до дома.

— Мне очень понравилось наше свидание. — уши Павла опять покраснели. — С тобой оказалось так легко и приятно общаться. Не то чтобы я думал по-другому...

— Это было не свидание, Павел. Не пойми меня неправильно, прогулка действительно была чудесная.

Они стояли у подъезда дома Лебедевых. После шумных туристических улиц двор казался островком спокойствия. Только чайки кружили и кричали над вечерним Петербургом.

— Да, — Павел слегка кашлянул, пытаясь вернуть голосу уверенность. Единственное, что его сейчас утешало: больше не нужно было набираться смелости, чтобы поцеловать Леру. Поцелуй теперь совершенно точно был бы неуместен. — Я только прошу тебя не ходить к Василию одной. Мне и так не нравится, что вы вдвоём в этом доме. Чёрт знает, что у таких людей в голове.

— Да хватит вам его обижать. Что он в конце концов такого сделал?

— Да постоянно конфликты провоцирует. Он правда нас уже немного заколебал, поэтому, может, я слишком быстро завожусь в его присутствии. И потом, он всерьёз считает себя

хозяином дома. Ты сама говорила, что у этого художника не было детей. Это ли не признак слегка улетевшей кукушечки?

— А вдруг он правда потомок Лебедева? — Лера впервые произнесла эту мысль вслух, и сама ей удивилась. — Мезальянсы не редкость. Как и внебрачные дети аристократов.

— Ну допустим. Но что это меняет в наше время? Дом ему не принадлежит и уже никак не будет принадлежать юридически. А сколько он нам мозг выел за каждый отремонтированный сантиметр! Пока Тимур однажды не сорвался и чуть ему не навалил. Теперь Василий нас стороной обходит. Чуть брата под монастырь не подвёл.

— Ладно, Павел, — Лера решила не вступать в дискуссию о недопустимости физической агрессии, даже если тебя доводят. — Я, пожалуй, пойду. Ещё раз спасибо за прекрасный вечер.

Повисла неловкая пауза. Было совершенно непонятно, стоит ли теперь обняться на прощание или ограничиться поцелуем в щёку. В итоге Лера решила не выбирать ничего из предложенного и быстро развернулась к подъезду.

— Спокойной ночи, — сказал Павел ей вслед.

Прекрасная снежная королева, — мысленно добавил он.

Стук в дверь разбудил Леру. Она сонно побрела по коридору. Совершенно не выспалась. Пожалуй, стоит просто забрать пакет у Кеши и позволить себе ещё немного поваляться.

Стоп.

Лера остановилась и посмотрела на кухонное окно в конце коридора. За ним стоял июльский полумрак. В девять утра солнце уже всю освещало бы эту сторону дома.

В дверь постучали снова.

Теперь Лерино сердце забилося быстрее.

Лера на цыпочках пробралась в комнату и взяла телефон.

01:13.

Стук повторился. Ночной гость явно не собирался уходить.

— Лера, вы спите? — раздался приглушённый голос Василия.

Они договорились поговорить в ближайшее свободное время. Похоже, Василий понял эту фразу очень буквально.

— Василий, уже поздно, — сказала Лера, не открывая дверь. — Приходите утром, пожалуйста.

— Да-да, я понимаю, извините. Просто в выходные я с утра на пленэре, а потом до ночи торгую. А в будни тут эти варвары. С ними вообще невозможно разговаривать. Они понимают только плебейский.

Лера искала подходящий аргумент, чтобы мужчина ушёл, но в то же время не хотела его обидеть.

— Я принёс вам снимок. Можете оставить его у себя до понедельника. Снять копию. Только будьте предельно аккуратны. Мне, если честно, немного неловко разговаривать через закрытую дверь.

Последняя фраза прозвучала неожиданно грустно. С одной стороны, Лера вела себя осторожно и это было правильно. С другой — вдруг почувствовала себя причастной к общей травле этого человека.

Да ещё и снимок.

Конечно, было бы крайне глупо попасть в криминальную хронику только потому, что ей захотелось заполучить фотографию столетней давности. Но опасности от Василия она не чувствовала. Хотя и полностью душевно здоровым назвать его пока не могла.

Лера достала телефон и открыла контакт Павла. Если что — быстро нажмёт на вызов и будет кричать.

Она отперла дверь.

— Спасибо большое, — Василий улыбнулся. — Очень признателен, что нам больше не нужно перекрикиваться. Вот снимок. Только у меня есть ещё небольшая просьба. Можно посмотреть комнату Агаты?

Лера напряглась.

— Василий, давайте вы посмотрите комнату Агаты днём.

— Я понимаю, как это всё выглядит. Незнакомый мужчина ночью стоит у вас на пороге и просится в комнату. Просто днём можно не уловить её присутствия.

Лера невольно переменилась в лице.

Василий посмотрел на неё и, кажется, только теперь окончательно услышал самого себя.

— Да, пожалуй, я усложнил ситуацию. Давайте так. Вот

вам снимок. Я приду за ним в понедельник. Скажем, часов в восемь утра. И мы обо всём поговорим. Заодно и заберу своё сокровище. Договорились?

— Хорошо, — протянутый снимок заметно ускорил ответ Леры.

Она попрощалась с гостем и закрыла дверь на все имевшиеся замки.

Заснуть удалось только под утро. В конце концов Лера всё-таки задёрнула шторы, хотя до этого почему-то никак не могла себя заставить.

Не то чтобы её напугала мысль об Агате, чьё присутствие хотел почувствовать Василий.

Будь хотя бы сейчас к себе помягче. Твои нервы расшатаны. Прощай себе больше.

Лера вспомнила слова Веры и решила простить себе эту маленькую трусость.

С этой мыслью она наконец заснула.

Глава 5

— Мария, мою бабуленьку, возлюбленную Владимира, звали Мария. — Василий ходил по комнате Агаты, медленно рассматривая помещение. — Почти ничего не изменилось с тех пор, как я тут был. В целом тут никто толком и не жил после смерти хозяйки.

— А вы тут когда были? — Лера стояла в проёме двери. Подсознательно она искала шаги отступления.

— Я мальчишкой забегал к Агате. Ей уже было под девяносто, но спину она всегда старалась держать ровно — порода.

Василий тут же расправил плечи.

— Вы общались с матерью Лёбо? Это потрясающе! А самого Владимира вы видели?

— Видел. — С выражения лица Василия уже можно было писать какого-нибудь генерала, столько в нём было важности. — Но мельком. Мой отец с ним общался. Он был очень взволнован этой встречей. Ах, если бы вернуть то время и расспросить его подробней о ней.

— Лёбо... Владимир Лебедев возвращался в Советский Союз в конце 60-х единожды.

— Почти. Это в последний раз он приехал навестить мать спустя столько лет. Через несколько месяцев она отбыла в мир иной, — Василий смотрел куда-то вдаль за окном. Сде-

лал театральную паузу и продолжил:

— Впрочем, старушке было уже много лет. Встреча их была безрадостной. Весь дом судачил.

— О чём судачил?

— Да о встрече их. Владимир вышел от неё часа через полтора сам не свой. Весь дом потом обсуждал. Столько лет мать не видел, приехал из самой Франции — и так попрощаться. В дверях ей и ад пророчил, и ещё бог знает что.

— А Агата?

— А Агата после той встречи захворала и, как я уже говорил, быстро померла.

— А ваш отец когда с ним общался?

— Да тогда и общался. Владимир зашёл к нам ещё до встречи с матерью. Мы же жили в их старой квартире. Ну в одной из комнат. Походил по нашей коммуналке. Я тогда толком не понимал, а сейчас думаю, какого ему было? За столько лет от величия не осталось ничего. Да и в этих плебейских мордах ни грамма сочувствия не было. Он, можно сказать, ходил по своему дому, который эти вот все превратили в свинарник. Тьфу!

— Вы сейчас про кого?

— Да про соседей своих. У нас три семьи жили в квартире. По три-четыре человека на комнату. Бабке моей там комнату выделили, ещё нескольким работникам. А Агата себе отстояла квартиру прислуги. — Василий жестом указал на комнату, в которой находился. — Одна тут жила, но каково

это после своих хором. Бедняжка. — Мужчина закрыл глаза и положил руку на сердце.

— Так они больше с вашим отцом не встречались после этого?

— Нет. Он больше не возвращался. Но я думаю, просто не успел. Приезжать сюда всё ещё было непросто. Да и сам Лебедев вскоре умер.

— Но они хотя бы переписывались?

Василий пожал плечами.

— Не знаю. Отец мне ничего такого не рассказывал.

— А почему, собственно, Агата переехала в комнату прислуги, а не уехала с сыном за границу еще в начале двадцатых?

— Так из-за отца моего. — У Василия всегда на всё был ответ. — Надо же было за внуком следить.

— Почему не увезти его с собой во Францию?

— И признать бастарда? Думаю, она не могла себе это позволить.

— Ну постойте, уже другое время началось. Да и другая страна.

— Я думаю, не для таких людей, как Агата. Чистейшая аристократия. Но и благородна душой. Остаться на руинах своей страны, жить как простолюдинка, работать, терпеть все невзгоды ради одного мальчишки.

— Как ей позволили остаться в доме?

— Так она устроилась в местную школу. Женщина об-

разованная. Преподавала русский, французский, немецкий. Отец даже мой у неё учился. Говорит, строгая была жуть, но каким почерком у неё писали! Сейчас взрослые так не пишут, как те первоклашки.

— Так, а каким образом она за отцом вашим следила?

— Да в целом! Чтоб выучился, голодным не бегал да грязным. К моей бабке постоянно ходила, жаловалась на учёбу его. Ну какая женщина будет так близко к сердцу чужого мальчишку принимать?

— Но ваша бабушка же не Мария.

— Мария! Именно Мария! Я уверен, что Агата похлопотала, чтобы той, другой бабке выделили комнату в этом доме именно потому, чтобы та рядом воспитывала моего отца.

— Василий, я что-то запуталась в ваших родственниках.

Лера села на кровать. Они уже разговаривали с Василием не менее получаса и вопросов у неё становилось всё больше.

— Да-да, я понимаю, что тут надо объясниться. Была третья горничная. Анной звали. Она тоже в этом доме осталась, только на этаже другом, муж у неё кто-то из служивых был.

Он начал явно издалека.

— Её я тоже помню. Так она и рассказывала, что Мария пузата ходила. Так и говорила: «пузата». Да и вся прислуга знала об их союзе с молодым хозяином. А вот бабушку мою в положении никто не видел. Как и замужем она не была. И вот Владимир бежит во Францию от революции, Агата перебирается наверх. Прислуга разъехалась кто куда и спустя время

в дом возвращается бабка моя. С дитем маленьким. И Агата её в дом этот и привела. Комнату выхлопотала, на кухню в школу устроила. Тут-то и пазл сложился. Агата бабке внука доверила и под крылышком спрятала.

— А Мария?

— А вот этого никто не знает.

— Она умерла?

— Вот неизвестно. Как сквозь землю.

— Ну кто-то же что-то говорил? Может, она с ребёнком уехала домой.

— Дед приезжал за ней, искал. Её и ребенка. Когда он отбывал, Мария уже заметно в положении была. Это так Анна рассказывала. Что ещё года так до двадцать пятого он сюда наведывался, а потом всё. Вы представляете, как сложно ему было сюда возвращаться, как опасно! Но он искал, искал свою Марию. А бабка отцу жизнь сломала! Растила его безотцовщиной, в комнатухе. Потом в эту комнатуху отец мать мою привёл, я родился. И ютились все черти как. Ну разве это та жизнь, которую заслуживал мой отец по праву рождения? Отдала бы его Владимиру! Он же приходил один раз, в двадцатых, Анна ему намекнула, мол, погляди, может твой. А бабка его на порог не пустила. Тьфу, дура! Жили бы сейчас в Париже.

— В Лионе.

— Простите?

— Лебедев в Лионе жил, — Лера решила упустить мо-

мент, что в этой схеме Василий всё равно не стал бы парижанином. — Но что, если она не пустила Владимира только потому, что она и была матерью мальчика? А Анна не верно всё связала.

— Может, — неожиданно спокойно выдал Василий, — может, и так. Бабка так и говорила отцу, чтоб тот голову не забивал чушью Анны. На меня потом злилась, когда я юнцом от неё правды просил. Искренне злилась, с обидой. Но в целом любая приёмная мать будет ревновать своё дитя, не правда ли?

— С этим не поспоришь, но это не доказательство.

— Не доказательство. Но тут я и прошу вас это доказательство найти.

— Меня? — Лера даже поднялась с кровати. — Это вам к частному детективу. Если они таким занимаются.

— Именно вас! Вы первая кто хочет разобраться с этим. Вы первая, кто мне в лицо не смеётся. Да и я не совсем дурак и чуть в интернете разбираюсь. И нашёл там ваши статьи. Вы написали столько статей про моего деда. Не доказанного, если вам так будет угодно. Представляете, если именно вы откроете миру наследника Лебедева?

Лера призадумалась. В целом она была уверена, что миру исключительно плевать на наследника Лебедева, с другой стороны, сейчас ей это всё казалось каким-то большим сломанным витком истории, который хотелось достать, отряхнуть от пыли и привести в порядок.

— Я не гарантирую, что у меня получится. Но если вы будете сотрудничать, я могу попробовать.

— Конечно, конечно! Вы не представляете, каким счастливым меня сделало ваше согласие! Как мне надоели эти людишки, которые только шушукаются за моей спиной. После ухода Анны у меня не осталось никого, кто бы мог со мной обсудить мое высокое происхождение! Но скоро я могу всем доказать. Всем!

— Василий, даже если я каким-то образом, если честно, пока даже не представляю каким, найду доказательство вашего родства, то юридически вы всё равно не сможете стать наследником Лёбо.

— Да это неважно, мне важно знать, что я неспроста ношу фамилию Лебедев! Во мне течёт кровь аристократов, а талант мой от деда!

— Вы правда Лебедев?

— Да это я поменял. Так у нас фамилия от бабки идёт. Так сказать, справедливость восстановил.

Лера глянула на часы. Почти девять. Она не хотела бы, чтобы Иннокентий застал Василия в квартире. Расскажет невзначай рабочим, а Павел ей потом будет бубнить, как это опасно. Из нянек ей сейчас хватало Веры.

— Василий, мне нужно работать. Я подумаю, с чего начать нам в нашем маленьком расследовании и дам вам знать.

— Ох, как быстро пролетело время, — Василий проследовал за Лерой к выходу. — Я так и не почувствовал Агату. У

меня к ней столько вопросов.

У Леры по спине пробежал холодок. Привидений она не боялась. Её напрягали те, кто так сильно в них верил.

— Если я увижу Агату, я вам дам знать. — Лера попыталась не звучать так, словно говорит с умалишенным.

— Она выгоняла тех, кто пытался начать хозяйничать у неё в комнате. Может, попробовать так с ней поговорить?

Лера уже положила руку на дверную ручку, но открывать дверь не поспешила.

— Что вы имеете в виду?

— Ну так заезжали люди, ремонт начинали. Ванную там делали, кухню — всё нормально. А как до этой комнаты доходили, так через пару дней уже риелторов искали.

— Ясно.

Лера только это и могла сказать. Ясно ничего не было. Про покупку квартиры надо было поговорить с Бергером. Главное ей самой не показаться сумасшедшей с такими вопросами.

Она открыла дверь, но та поддалась с трудом.

— Ай! — Кеша отошёл от двери, в которую до этого упирался.

— Ты что тут делаешь? — от неожиданности Лера забыла о вежливой формальности.

— Девяти жду.

— И так всегда?

— Только если рано прихожу.

— Так почему не отдать заказ раньше?

— Чтоб не сбивать весь график.

Лера очень не хотела открывать дверь шире, чтобы Иннокентий не увидел её гостя, но Василий сам чуть отодвинул Леру от выхода, и кивнув в знак приветствия Кеше, быстро спустился по лестнице.

Лера молча забрала пакет из рук ошарашенного курьера. Она не стала дожидаться вопросов, и попрощавшись закрыла дверь.

Иннокентий пару секунд постоял у закрытой двери с немим вопросом и медленно пошёл к лестнице.

— Ну, это определённо не красный, — немного шутливо-деловым голосом отметил Руслан.

Вся команда рабочих столпилась возле фрески. Даже Марат, который обычно довольно быстро разгонял сыновей по местам, на этот раз не торопился возвращаться к работе.

За утро Лере удалось расчистить участок ниже плеча. Пока совсем немного ткани, мягкими складками спускавшейся вниз. Но цвет сомнений не оставлял.

— А мы красный ждали? — спросил Тимур.

— Мы ничего не ждали, — отозвался Павел. — Это Руслан вчера решил, что платье будет красным.

— Потому что красный здесь смотрелся бы хорошо.

— Можешь написать художнику и сообщить о плохом подборе цвета.

— Мужчины, — Лера даже не обернулась. — Если искусствоведческий диспут закончен, можно мне немного света?

Павел тут же отступил от лампы.

— Так это она? — спросил он.

— Она, — ответила Лера.

— Прямо точно?

Лера улыбнулась и потянулась за планшетом.

— Смотрите.

Она открыла папку с работами Лёбо и нашла одну из Белых Нимф. Потом увеличила изображение и повернула планшет к мужчинам.

— Вот.

Все четверо почти синхронно придвинулись ближе.

— Охренеть, — первым отреагировал Тимур. — Один в один.

— И складка так же идёт, — Руслан ткнул пальцем в экран, а потом перевёл взгляд на фреску. — И вот эта штука на плече.

— Бретель, — подсказала Лера.

— Бретель. Она вообще одинаковая.

Лера пролистнула ещё несколько изображений.

Белая ткань менялась от картины к картине: где-то почти полностью скрывала тело, где-то едва держалась на плечах. Но сама Нимфа оставалась узнаваемой. Светлые волосы, венки, тонкие черты лица, белые одежды.

— Так он одну и ту же девушку всю жизнь рисовал? —

спросил Марат.

— Похоже на то.

Павел снова посмотрел на стену, потом на планшет.

— Она и лицом такая же.

— Очень похожа, — согласилась Лера.

— Не похожа. Прямо она. Только...

Павел замолчал, разглядывая фреску.

— Что?

— Не знаю. Здесь она другая какая-то.

Лера посмотрела на открытое лицо.

Она знала, что именно он заметил.

— Улыбается, — сказала она.

Павел кивнул.

На экране Белая Нимфа смотрела куда-то мимо зрителя с тем самым выражением тихой печали, которое потом станет едва ли не визитной карточкой Лёбо.

Девушка на стене улыбалась.

Она была не грустной. Она была умиротворённой.

Лера нашла на планшете фотографию, что ей дал Василий. Что ж. Определённо Мария была натурщицей Лёбо. Она же и была Белой нимфой. На фотографии строгое платье горничной скрывало её хрупкость. Здесь же, в лёгкой белой ткани, Мария казалась совсем юной. Совсем ещё малышка, подумала Лера. Лет шестнадцать или семнадцать. Куда же ты пропала?

— Это вы меня все так ждёте? — Иннокентий с сумками

подошёл к компании и взглянул на Нимфу. — Миленькая. Но время обеда.

Лера чертыхнулась про себя. Она хотела уйти до появления Кеши, но нимфа заставила её позабыть о времени.

Она вместе со всеми накрыла на стол и поймала себя на мысли, что ей уже абсолютно комфортно обедать в компании этих людей. С ними можно было обсудить рабочие моменты, послушать какую-нибудь забавную историю, а иногда просто молча есть. Парни постоянно подшучивали друг над другом, но за этими подколами слишком хорошо чувствовались их сплочённость и любовь друг к другу.

У Леры никогда не было большой семьи. Она была единственным и поздним ребёнком. Родители много работали и прежде всего старались дать дочери хорошее образование. Мать — заслуженный учитель, отец — художник, проводивший в мастерской едва ли не больше времени, чем дома. Каждый привык жить в собственном ритме, среди своих дел и забот.

Поэтому такие шумные обеды, где все перебивали друг друга, спорили, смеялись и одновременно следили, чтобы у соседа не оказался пустым стакан, были ей непривычны.

— Кстати, Валерия, — Марат потянулся за хлебом, — у нас в конце месяца корпоратив. Присоединяйтесь.

— Корпоратив?

— Мы так называем любые семейные посиделки, — объяснил Руслан. — Шашлык на даче у родителей — выездной

корпоратив всей фирмы. Мама же у нас и менеджер, и бухгалтер. Полностью семейный бизнес.

— Собака охранником работает.

— Ага, мы его и называли Аргус. Бдит и защищает. Самый смелый шпиц в мире, — весело подхватил Тимур. — Ну вот какие-то такие у нас корпоративы. Скромные.

— Нормальные корпоративы, — возмутился Марат. — Между прочим, с культурной программой.

— В прошлом году культурной программой был батя с караоке.

— И все были довольны.

— Соседи не были.

Лера рассмеялась.

— Спасибо. Я подумаю.

— Да чего тут думать? — Тимур посмотрел на Павла и ухмыльнулся. — Вы у нас уже почти член семьи.

— С чего это? — Павел моментально покраснел.

— Ну так романы на работе тут уже, смотрю, вертят, — Тимур всё сильнее подтрунивал над братом.

— Так это не считается, — неожиданно вмешался Иннокентий.

Все посмотрели на него.

— Что не считается? — спросил Марат.

— Роман на работе. Василий здесь не работает. Он здесь живёт.

Теперь за столом стало совсем тихо.

Лера медленно положила вилку.

— Какой ещё Василий? — первым спросил Павел.

Иннокентий посмотрел на него с лёгким недоумением.

— Который сегодня утром от Валерии выходил. Или вы про какой роман?

Все уставились на Леру.

— Иннокентий, о чём вы подумали? — Лера нашла свой самый холодный голос. Ей ещё не хватало подобных нелепых сплетен.

— Да я, собственно, толком ни о чём не подумал, — Кеша невозмутимо продолжил свой обед, — я в целом плох в делах подобных. Я спец по доставке. Ну в программировании хорош.

— Мы с Василием говорили об истории дома, только и всего.

— Ладно, — безразлично пожал плечами Иннокентий.

После неловкой паузы Марат расхохотался, немного разбавив обстановку.

— Ну, Кеша. Наша Лера и Василий, ну ты юморист. Как только в голову пришло?

— Тем более Павел бы заревновал, — не унимался Тимур.

— Хватит уже. — Уши Павла покраснели от неловкости, ребячничество Тимура сейчас его ещё и злило. — Не смешная шутка уже.

— Действительно хватит. — Лера встала из-за стола. — Пойду работать, пока меня ещё за кого не сосватали.

— Валерия, не злитесь на этих оболтусов, — мягко сказал Марат, — они вроде мужики взрослые, умные, но как втроём так мальчишки — мальчишками.

— Мне правда нужно работать: нимфа сама себя не освободит.

Компания больше возражать не стала. Даже Тимур виновато помалкивал, понимая, что перегнул палку.

— Вы это... Меня правда извините, если что, — Иннокентий, уже собрав посуду, подошел к Лере на прощание, — мне часто сложно понимать человеческие отношения и эмоции. Не то чтобы я совсем дуб в этом, но всё же.

Лера посмотрела на Кешу. Она уже совсем на него не злилась. В целом ситуация была нелепой.

— Да всё хорошо, — Лера даже попыталась мягко улыбнуться в знак того, что она не злится, но искусственно улыбаться у неё плохо получалось, — вам не за что извиняться.

— Вы сегодня меня на ты назвали с утра. Мне нормально. Можем на ты.

— Хорошо, — теперь Лера улыбнулась уже искренне.

— Красивая, — сказал он, указав жестом головы на фреску, — как из сказки.

— Да. Только она была настоящая. Возлюбленная художника.

— Я, наверное, бы тоже в такую влюбился. Не знаю. Ещё не влюблялся ни в кого, — неожиданно признался Кеша.

— Значит у Лёбо получилось передать одну из важней-

ших вещей в искусстве—своё чувство.

—Возможно. Чёрт, время!

Иннокентий резко развернулся и без прощания помчался к двери парадной.

— Это просто потрясающе! Лерочка, поднесите меня поближе!

Лера поднесла телефон ближе к плечу нимфы.

В доме уже было тихо, рабочие ушли. Лера заранее сбежала прогуляться по вечернему городу, убив этим двух зайцев — проветрить голову и не дать Павлу времени читать ей лекции о безопасности.

— Я только сегодня лицезрел подобную деталь платья в отельчике, где остановился. Красивый старинный особняк. Лёбо расписывал его по заказу первого хозяина. Я думаю, вы понимаете, о какой я фреске. Так вот, они идентичны. Наш мастер рисовал этот образ раз за разом. Красивая отличительная черта. Цветочки, ангелочки и прочее по требованию заказчика, но главная героиня одна. Манифик!

— Я видела подлинного Лёбо только несколько раз и его нимфа действительно запоминается. Мы с вами её узнали по одному фрагменту.

— А вы заметили отличие от известных фресок?

— Лёгкую улыбку?

— Ма шерри! Именно это бросилось мне в глаза. Особенно стоя рядом с более поздней работой. Может, конечно, он

писал потом уже с повзрослевшей моделью?

— Считаете годы не пошли ей в радость? — сухо пошутила Лера.

— Ну она могла вместе с художником покинуть родные места. Грустить по родине. Что думаете?

— Боюсь, у меня есть точный ответ. Эта девушка не отбыла с ним во Францию.

— Серьезно? Лера, я невероятно заинтригован! Вы знаете, кто она? Знаете о её судьбе?

— Практически ничего. Но я стремлюсь узнать больше.

— Докопаться до сути всего, как я вас понимаю. Расскажите мне потом всё! И знаете, я вам по секрету скажу, что сейчас охочусь за всеми известными вещами Лёбо у других коллекционеров. И у меня уже кое-что есть. И я хочу это подарить вам. Да-да. Связь, смотрю, в парадной плохая, но я всё равно вижу это смятение на вашем лице, позвольте мне всё же вам сделать этот бесценный подарок.

— Да, спасибо, — Лера была действительно слегка обескуражена. — А что там?

— А это при встрече! Мой чудесный сувенир на ваш великолепный рассказ о нашей Нимфе.

— Договорились! Аркадий, я бы ещё хотела с вами поговорить о квартире Агаты.

— Агата—это первая хозяйка? Мать художника.

— Да-да! О квартире под крышей. Вам продавец что-то говорил про неё... необычное?

— В целом нет. Меня насторожила цена. По мне так её отдали за бесценок, объяснив желанием быстрой сделки. Что меня тоже всегда настораживает. Но в целом мне было бы всё равно на любые минусы квартиры. Я покупал стены с историей. Боялся только, что в целом сделка с мошенниками. Но всё прошло хорошо. Потом выкупил первый этаж, решив там открыть еще одну антикварную лавку. Так и пошло-поехало. А что? Вы нашли какие-то неполадки?

— Нет, ничего такого. Вам не говорили о чём-то...паранормальном?

Бергера повеселил этот вопрос.

— Нет, на дома с привидениями меня не купишь. Хотя у меня есть знакомый, который падок на такие объекты. Я скорее по истории. А что, вы встретились с барабашкой?

— Скорее собираю легенды дома. Василий объясняет быструю продажу квартиры встречей прежних хозяев с самой первой хозяйкой.

— С Агатой? Страсти какие. Лера, Василий себе на уме, конечно. Не хотелось бы, чтобы этот чудак вам досаждал. Надеюсь, он вас не напугал своими разговорами?

— Что вы! Всё хорошо. Просто интересно, что рассказывали о квартире вам, вот и всё.

— Я всегда могу вам снять жильё не далеко от работы. Вы только скажите.

— Нет никакой нужды. Я хотела бы быть ближе к фреске. Это удобно. Да и мне чуть тревожно оставлять её так одну.

— С этими мыслями я вам эту квартиру и предложил. Полное погружение в историю дома! Хотя, признаюсь, условия несколько спартанские. Когда закончим с другим этажом, я предложу вам перебраться туда.

— Думаю, к тому времени я уже закончу с фреской.

— А я на будущее. Когда я открою свою лавку мне нужен будет хороший реставратор. И я сочту за честь работать с вами. Жильё полностью предоставляю. График вполне себе свободный.

— У меня студенты.

— Ох, да, я понимаю. Вы же имеете обязательства в Москве. Очень жал.—По голосу Бергера было слышно, что он действительно расстроился.—Но моё предложение будет в силе. Хоть через месяц, хоть через 10 лет мои двери вам открыты.

— Я подумаю. Ваше предложение действительно невероятно заманчиво.

Лера не врала. Она действительно должна была о многом подумать. Но бросать студентов и переезжать в другой город было очень серьёзным шагом. Сейчас она была к нему не готова.

Валерия убрала остатки с обеда в холодильник. Есть опять не хотелось. К вечеру она была слишком уставшей, чтобы разогревать пищу. Её обычно хватало только заварить чай.

Предложение Бергера оказалось некстати. Оно заставило

задуматься о будущем именно тогда, когда Лера всеми силами старалась этого не делать. Все загадки дома говорили сейчас только о прошлом, но Лера бежала от своего настоящего, и она давала себе в этом отчёт. Спрятаться от принятия решения она не могла, и никакой вариант развития событий ей не нравился. Она так хотела закрыть глаза и проснуться в своей старой жизни, где ей нужно просто готовить программу нового учебного года, параллельно планируя традиционную августовскую поездку в Стамбул с Гео.

В целом она могла стать приходящим лектором, появляться в университете редко и надеяться в ближайшие годы не пересекаться с ним в коридорах. Был ещё большой шанс умереть от сердечного приступа при встрече с привидением. Лера даже хмыкнула своим мыслям. Встретить мёртвую Агату казалось ей более заманчивым, чем своего бывшего.

Глава 6

За чашкой утреннего кофе Лера успела примерно составить алгоритм поисков ребёнка Владимира и Марии. Она понимала, что ради Василия никто не станет вскрывать могилу художника, поэтому решила пойти от обратного — для начала выяснить, существовал ли вообще предполагаемый сын Лебедева и что с ним стало.

Фамилия нимфы не была никому известна, что существенно усложняло поиски, но за одну возможность она всё же зацепилась. Открыв телефон, Лера написала Бергеру: «Аркадий, доброе утро. У вас случайно нет знакомых в петербургских архивах? Мне нужна помощь с домовыми книгами».

Через непродолжительное время пришёл ответ:

«Лерочка, у меня есть одна чудесная женщина в архиве. Она столько раз спасала меня от покупки вещей с очень красивой, но совершенно выдуманной родословной, что я уже должен был включить её в завещание. Что именно мы ищем?»

Лера собиралась на работу в приподнятом настроении. Ещё час назад она переживала, что толком не сможет даже начать расследование, а сейчас её обещали принять к пяти вечера в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Уже собираясь выходить, она вдруг вспомнила слова Василия: «Она выгоняла тех, кто пытался начать хозяйничать у неё в комнате».

Валерия кинула взгляд на старые половицы. Когда она оценивала состояние пола, то уже поднимала их, но потом положила обратно. Сейчас Лера подхватила одну дощечку и убрала её на подоконник, затем чуть толкнула кровать. Та сдвинулась на пару сантиметров. Лера прислушалась к своим ощущениям, сама не понимая, что должна была почувствовать. Ничего.

Лера подцепила краешек обоев, который и так отходил от стены, и чуть потянула на себя.

Она поймала себя на совершенно нелепом ощущении, будто специально дразнит давно умершую женщину, но, если Агата и наблюдала за происходящим, возмущаться она явно не собиралась.

В случае чего она теперь могла честно сказать Василию: хозяйничать в комнате пыталась, Агата не появилась.

Не то чтобы она ожидала чего-то другого.

— Лер, поешь хоть не отрываясь от работы, — Павел протянул ей тарелку с салатом «Нисуаз», когда она в очередной раз отказалась от совместного обеда. — Стараюсь ради общего дела. На голодный желудок можно столько напортачить.

— Благодарю. — Лера взяла тарелку скорее из вежливости. — Мне просто скоро действительно нужно уйти. Не хо-

чу тратить время ещё и на еду.

— Куда-то спешишь?

— В архив. Меня к пяти обещали принять.

— Далеко?

— На Заневский.

— Я подвезу.

— Не надо, — автоматически ответила Лера.

— Лера, я не предлагаю тебе руку и сердце. Мне за материалами ехать, почти по пути.

— Почти?

— Если очень широко трактовать понятие «по пути».

Лера не стала задавать язвительных вопросов в духе того, какими материалами он собирался нагружать свою «Камри», когда с машины явно сдували пылинки. Да и материалы им всегда привозили курьеры магазина. Лера простила Павлу его маленькую хитрость и чуть расслабилась.

Она понимала, что ей начинает нравиться его общество, но старалась сейчас не придавать этому значения. Навигатор показывал, что через пятнадцать минут они будут на месте, из динамиков доносился Джо Кокер, в руках был стаканчик с кофе и в целом вечер был приятным.

Она чувствовала себя хорошо. А такие моменты сейчас случались так редко, что казались ей настоящим золотом.

Женщина осторожно перевернула ещё несколько пожелтевших страниц и провела пальцем вдоль строчек, не касаясь их.

— Вот ваши Лебедевы.

Лера придвинулась ближе. Запись была на старый манер, но она без труда нашла Владимира, Агату. Нужного имени среди них не было.

— А прислуга?

— Подождите. Она отдельно.

Ещё несколько страниц.

— Горничных сколько было, говорите?

— Три. Но мне нужна Мария. Фамилии я не знаю. Примерно семнадцать лет в семнадцатом году.

— Так...

Женщина медленно повела пальцем вниз по странице.

— Анна... нет. Елизавета... Мария.

Лера невольно выпрямилась.

— Нашли?

— Похоже на то. Мария Андреевна... — женщина наклонилась ниже. — С фамилией придётся повоевать. Соколова, кажется.

Она достала увеличительное стекло.

— Да. Соколова. Мария Андреевна Соколова.

— Сфотографировать можно?

— Можно. Только без вспышки.

Лера сделала несколько снимков страницы.

— Что ещё здесь есть?

— Год рождения — тысяча девятисотый. Православная.

— Женщина продолжала разбирать запись. — Прибыла...

Она на несколько секунд замолчала.

— Откуда?

— Сейчас. Здесь село указано. Название разберём, губерния точно Новгородская.

Лера быстро записала название в заметки, пока сотрудница диктовала его по буквам.

— Это место рождения?

— Не обязательно. Домовая книга фиксирует, откуда человек прибыл. Родиться она могла и в другом месте.

— Понятно. А когда она уехала?

Женщина перевела взгляд дальше по строке.

— А вот этого нет. Сведений о выбытии нет.

Лера снова посмотрела на страницу.

— То есть она не покидала дом?

— Это означает только то, что в книге не указано, когда и куда она выбыла. Ничего больше я бы из этого не заключала.

— Но если бы всё оформлялось как положено?

— Тогда запись, скорее всего, была бы.

Лера ещё раз сфотографировала страницу, на этот раз приблизив нужную строку.

Мария Андреевна Соколова.

Наконец у нимфы появилась фамилия.

Не Белая нимфа, а человек, чьё существование теперь подтверждала сухая строчка в старой домово́й книге.

— Если человек действительно исчез в Петрограде примерно в это время... можно проверить, обращался ли кто-

нибудь по поводу его пропажи?

— Можно попытаться.

— С семнадцатого по двадцать пятый год.

Женщина подняла на неё глаза.

— Восемь лет?

— Я понимаю, что диапазон большой.

— Дело даже не только в этом. Вы выбрали очень неспокойные восемь лет. Революция, Гражданская война, смена учреждений. Единой картотеки пропавших за весь этот период, где я сейчас введу фамилию и вы получите ответ, конечно, нет.

— Но какие-то документы сохранились?

— Сохранились. Если её действительно разыскивали, след может быть в документах милиции, уголовного розыска, в розыскных ведомостях, переписке. Но это уже не здесь.

— В другом архиве?

— В Центральном государственном архиве. Там есть фонды петроградской милиции и уголовного розыска. Только я бы на вашем месте не рассчитывала, что всё окажется просто. Сначала надо понять хотя бы приблизительно, когда её начали искать. Потом смотреть, куда могли обратиться. Если обращались вообще. — Женщина закрыла книгу. — И отсутствие результата тоже ничего вам не докажет. Документ мог не сохраниться. Фамилию могли записать с ошибкой. Заявление могло оказаться совсем в другом фонде.

— То есть искать можно, но если ничего не найдётся, это

не значит, что её не искали.

— Именно.

Лера убрала телефон.

Она решила пока не тратить время на поиски подобных документов. Если заявление о пропаже Марии сохранилось, оно подтвердило бы лишь то, что девушку искали. Но Лера и без того знала главное — её не нашли. Отсутствие же заявления не доказывало ровным счётом ничего: его могли не подать, документ мог не сохраниться или затеряться за прошедшее столетие. Этот путь обещал отнять много времени и почти наверняка не дать ей ничего нового.

— Если хотите начать с её рождения, ищите метрические книги прихода, к которому относилось село. За тысяча девятьсотый год запись о крещении вполне может сохраниться.

— Там будут родители?

— Если найдёте запись — да. И тогда у вас появятся новые фамилии и имена, от которых можно продолжать поиск.

— А смерть?

— Тут сложнее. Мы не знаем ни когда она умерла, ни где и под какой фамилией. До установления советской регистрации смотрели бы метрические книги, позже — уже записи органов ЗАГС. Поэтому я бы сначала выяснила всё, что можно, о её семье и месте, откуда она приехала.

— То есть начать с села?

— У вас пока нет места лучше.

— А если в реестрах её нет?

— Это ещё не значит, что нет могилы. Старые сельские кладбища оцифрованы далеко не полностью. Могила могла сохраниться, а в базе её не будет.

— И как тогда искать?

Женщина пожала плечами.

— Раз вам так интересно — съездите.

— В село?

— А почему нет? Посмотрите кладбище сами. Если Соколовы жили там не одно поколение, найдёте семейные захоронения. Заодно расспросите местных. В небольших местах иногда какая-нибудь восьмидесятилетняя бабушка знает о семье больше, чем все наши фонды вместе взятые.

Женщина на несколько секунд задумалась.

— Знаете что, Валерия, подождите меня немного в фойе. Лера послушно собрала вещи.

Минут через двадцать женщина вышла к ней.

— Вы от Аркадия, поэтому я вам доверяю. Но попрошу распорядиться этой информацией честно и не говорить, откуда вы получили адрес.

Лера заинтересованно посмотрела на неё.

— Хорошо.

— В том селе до сих пор живут родственники Соколовых. Земля, на которой стоял их дом, всё это время передавалась по наследству. Сам дом, разумеется, уже другой.

— Прямые потомки?

— Не Марии, конечно. Другой ветви семьи. Но родство

прослеживается, — женщина протянула Лере клочок бумаги с адресом, — передайте Аркадию Львовичу, что его тут ждут, а то давно не заходил.

Выходя из архива, Лера заметила машину Павла, припаркованную неподалёку.

— Всё удалось узнать, Шерлок? — шутливо спросил он, когда она села на пассажирское сиденье.

— Ну тогда уж мисс Марпл. Спасибо, что подождал. Это, конечно, было необязательно, но я правда благодарна.

— Это совершенно не составило труда. — Павел улыбнулся и слегка застенчиво спросил: — Лер, почему так сложно принять элементарную помощь?

Лера опешила. Реакция была моментальной, но, по наставлению Веры, она попыталась понять, откуда эта реакция пришла. Для Леры было нормально всегда справляться со всем самой, даже будучи в таких долгих отношениях, но почему такой простой вопрос её ранил, она сама искренне не понимала. Или не позволяла себе понять.

— Ну ты сейчас ушёл с работы, возможно, чуть подставил со сроками других, и всё из-за меня.

— Ну, во-первых, из-за себя. Ты не в ответе за моё решение, не надо тут мнить о себе многое. А во-вторых, ничего такого страшного не произошло. Каждый из нас может отлучиться на день или, в моём случае, уйти чуть раньше. Не злоупотреблять этим, конечно, но мы друг друга поддержим. Вот сейчас я намерен не возвращаться на работу, а отвезти

тебя на ужин и подтверждаю своё намерение бронью в одном из вкуснейших ресторанов нашего города. Позволишь?

— Позволю. — Лера откинулась на спинку кресла. — Вези куда хочешь, главное, чтоб правда было вкусно.

— Но хочу тебя предупредить. — Павел сделал максимально серьёзный голос. — Это не свидание.

Лера рассмеялась. В первый раз за долгое время легко и искренне.

— У меня тогда есть встречное предложение для очередного нашего «не свидания». В Новгородской области. В эти выходные.

— Интересно. Усадьба или шумный фестиваль?

— Наоборот, там должно быть очень тихо. Сельское кладбище.

— А ты знаешь, как заинтересовать мужчину. — Павел издал удивлённый смешок. — Что ж, с меня ресторан, с тебя экскурсия по кладбищу.

Они выехали в субботу рано поутру, заказав в окошке круглосуточного фастфуда завтрак в дорогу. Лера шутливо заметила, что с Павлом здоровой еды не поешь, на что тот напомнил, что домашних блинчиков с утра ему никто не предложил.

По дороге Лера рассказала ему о Лёбо всё, что знала, не вдаваясь в подробности его художественной техники. Также поделилась просьбой Василия и своими надеждами найти следы Марии в селе.

— Василию бы к частным сыщикам. К чему ему дёргать тебя?

— Мне самой жутко интересно, — призналась Лера. — Я не знаю, как объяснить... Это как дань Лёбо. Он и так незаслуженно забыт в России, да и в целом, я искренне считаю, что во всём мире ему уделено слишком мало места в истории. Может, из-за того, что он занимался только монументальной живописью и его работы нельзя собрать в одном месте, или в целом он не стремился к величию, берясь за заказы ради выживания, но он правда был талантлив и самобытен.

— И что тебе даст история с Василием?

— Правду. Да, Владимира Лебедева больше нет на этом свете, но его история на нём не закончилась. Если у него был сын, которого он не имел возможности воспитывать, и теперь есть внук, который стремится быть услышанным, то всё это имеет право быть... открытым. Не знаю. То, что человека уже нет на земле, не значит, что его история должна уйти вместе с ним. Ты меня понимаешь?

— Боишься забвения? Типа если человека забыли, то он умер? Как все эти штуки у мексиканцев с их Днём мёртвых?

— Своего забвения я не боюсь, — совершенно искренне сказала Лера, — а вот чужую память мне почему-то нравится сохранять. Словно поддерживать людей, которые уже не могут поддержать себя сами. Наверное, это одна из причин, почему я выбрала свою профессию. Свои профессии. Рассказывать людям о таланте тех, кого уже нет, сохранять

работы, которые были для кого-то важны, и давать их труду возможность жить дальше, радовать людей спустя годы.

— Звучит красиво и чуть пафосно, — улыбнулся Павел.

— А ты прям другим занимаешься?

— Я скорее привожу старую рухлядь в порядок для ныне живущих. Вся эта история с теми, кого уже нет, мне странна. Живые важны, мёртвым уже всё равно.

— А мне нравится эта ниточка из прошлого в настоящее. Зачастую труд, который человек вложил в своё дело, его эмоции, старания — всё это имеет право быть сохранённым. Мне кажется, это одно из подтверждений человеческой жизни. Ну и своего рода машина времени. Человека уже нет, а на условном стуле, который он сделал, всё ещё можно сидеть. А что говорить про здания? Одному только дому Лебедевых уже полтора века. А кто-то живёт в домах, построенных несколько столетий назад! Сколько там было судеб! Мог ли человек, который строил такой дом, представить, что спустя триста лет кто-то будет сидеть под его крышей и разговаривать с человеком на другом конце земли через крошечный предмет? Развешивать на его стенах изображения, созданные буквально с помощью света? А он ведь строил всё это, когда ещё электричества толком не было!

— Ну эти дома во многом уже не эти дома, — пожал плечами Павел, глядя на дорогу.

— Слышала про корабль Тесея?

— Конечно.

— Если в нём постепенно заменить все доски, это всё ещё тот же корабль?

— Тот же.

— А я думаю, уже нет.

Лера повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что от того корабля ничего не осталось.

— Осталась его история. Его идея. Без этого не было бы этого корабля.

— История осталась. Корабль — нет.

— А для меня как раз история и делает его тем самым кораблём.

— Ну это уже из серии «крестикними или трусы надень». Хочется жить в истории — живи с оригинальными досками. Только ко дну пойдёшь. А если в твой корабль вложились другие люди и сделали всё, чтобы он оставался пригодным для плавания, то это уже имеет мало отношения к оригиналу. Следовательно, одна история заканчивается, начинается новая.

— Человек вступает в цепочку истории, в которую потом вступят и другие люди. Не вижу противоречий. Ниточка, соединяющая поколения.

— Противоречие в том, что корабль другой. А его создатель канул в бездну и ничего в этом страшного нет. Это жизнь.

Он стал сворачивать на дорогу, ведущую к нужному селу.

Лера, делая вид, что внимательно следит за ямами на дорогах, решила не продолжать дискуссию.

Лера поискала глазами звонок на металлической калитке, но не нашла. Пришлось стучать в надежде, что хозяева услышат. За забором раздались громкий лай и звон цепи.

— Ты хоть придумала, что скажешь дальним родственникам?

— Буду действовать по обстоятельствам.

— Зевс, цыц! Это ж Ленка, поди! Что орёшь? — Женщина лет сорока замерла, отворив калитку. — Ой, а вы к кому?

— Нам бы Соколовых. Тут проживают такие? — Лера решила в этом случае применить свой деловой тон.

— Так это брат мой двоюродный. Он в городе живёт. А вам он зачем?

— Мы из... исторического художественного наследия. Хотели бы расспросить родственников о Марии Андреевне Соколовой.

— Художественного? Мария Соколова бабушка моя в детстве была. А, нет! Она Константиновна была. Да и доркой работала, уж явно не художница.

— Мы хотели бы узнать о другой Марии. Тысяча девятисотого года рождения.

— Вот уж спросили! Кто ж таких застал. Хотя погодите... — Женщина задумалась, но её тут же отвлекли. — Ай, Ленка моя топает, вот гулёна! Иди-иди в дом! Там поговорим. Всю ночь шлялась!

— Здравствуйте, — кивнула неожиданным гостям девушка лет восемнадцати и, довольная, прошмыгнула в дом.

Лера и Павел ошарашенно проводили её взглядом и переглянулись.

— Так, Мария Соколова была ещё такая в роду. В её честь бабушку мою и назвали. Только никто не знает, что с ней. Пропала она ещё вон в возрасте моей Ленки. Даже младше на пару годков. Так нашла, что ль?

— Нет, скорее всё ещё разыскивается.

— И при чём тут ваше наследие художественное?

— Дело в том, что она была натурщицей знаменитого художника, и мы сейчас уточняем его биографию. Вот, поглядите.

Лера достала телефон и быстро нашла одну из знаменитых работ Лёбо.

Теперь уже женщина застыла в изумлении.

— Так это ж Лена! Вы меня разыгрываете?

— Скорее, это гены. Пальцем не сотрёшь, как говорится, — высказался Павел.

— Действительно... удивительно! Так она была натурщицей? Она вроде служила в доме каких-то аристократов и пропала. Мать её ездила спустя время на место работы, а там уже все разъехались. Вроде там все решили, что она с хозяином в Париж убежала, а он потом её тут искал. В целом это всё семейное предание.

Женщина достала свой телефон.

— Это как мне это изображение найти в интернете?

— «La Nymphe Blanche». Владимир Лёбо, — подсказала Лера.

— Так он там её и рисовал, в Париже? Значит, она с ним и отправилась?

— Насколько нам известно, она с ним не уехала, а изображал он её по своим эскизам и по памяти.

— Вроде как ещё подозревали этого её хозяина. Якобы он её погубил, да потом всё ездил, искал театрально, — вспомнила родственница. — Но кто ж сейчас скажет?

— Действительно? А где похоронена её мать? Может, всё же есть могила и Марии? Какая-нибудь неприметная, старая?

— Точно нет. Бабушка моя вспоминала её как потерянную родственницу. А она её даже не знала. Бабушка моя была дочерью младшего брата Маши. А вся родня наша вон на кладбище. Я туда навещаю по всем церковным праздникам, убираю могилки. Я б знала. Так что если и похоронена Мария Андреевна, то не у нас. Где-то же она всё равно лежит. Всё ж ей бы уже далеко за сто лет было.

С этой логикой не поспоришь. Лера опять упёрлась в стену. Попрощавшись с родственницей Соколовых, они решили пройти по селу.

Валерии так хотелось увидеть те места, в которых выросла Нимфа, но та бы точно сейчас не узнала родные края: все дома были выстроены на современный лад, большая часть

дорог покрыта асфальтом, маленькие сельские магазинчики располагались в старых советских постройках. Жизнь шла и кипела дальше, только юная девушка словно затерялась где-то между прошлым и настоящим.

Они дошли до конца улицы, где асфальт сменялся утоптанной грунтовкой. За невысокими заборами в самом цвету стояли яблони, где-то работала газонокосилка, из открытого окна доносилась музыка. Лера пыталась мысленно убрать всё лишнее: машины у домов, электрические столбы, пластиковые окна, спутниковые тарелки. Оставить только дорогу, поля вдаль и небо, которое уж точно не изменилось.

Где-то здесь Мария бегала ребёнком, ходила в церковь, знала соседей, возвращалась домой с замёрзшими руками и герла их у печки. Когда-то Петербург для неё был не домом, а далёким огромным городом, куда она только собиралась уехать.

Лера вдруг подумала, что всё это время представляла Марию уже внутри истории Лебедевых. Горничной. Натурщицей. Возлюбленной художника. Нимфой. Но до всего этого была просто Маша Соколова, которая выросла здесь и понятия не имела, что однажды её лицо останется на стене петербургского дома дольше, чем память о ней самой.

— Экскурсии по кладбищу, как я понимаю, не будет?

— Думаю, смысла нет. Если только обходить каждый камень в поисках хоть каких-то намёков, что она лежит именно там. Я, конечно, этим займусь, если совсем отчаюсь в по-

исках. Но пока это может подождать.

— Ну и отлично. — Павел обрадованно взглянул на часы.
— Как раз будем к ужину. Раз ты не устраиваешь культурную программу, то выбирай место, где я буду тебя кормить.

— Отвези меня домой, пожалуйста. Я очень устала и хотела бы хорошо выспаться.

— Ну, хозяин — барин. Позволь хоть завтра вместе отужинать.

— Да, завтра, пожалуй, будет удобнее.

Павел довёз Леру до дома. Та быстро попрощалась и вышла из машины. Можно было снова не набираться смелости для первого поцелуя. Павел всегда стремился искать во всём положительные моменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.